

Ольга
ВЕЧНАЯ

Формула
ВЛЕЧЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

18+

Побочные эффекты и непредсказуемые реакции

Ольга Вечная

Формула влечения

«Автор»

2026

Вечная О.

Формула влечения / О. Вечная — «Автор», 2026 — (Побочные эффекты и непредсказуемые реакции)

Пять лет назад, шутки ради, я вывела формулу влечения. Влечение = частота встреч + общие интересы + раздражающие черты + компонент Икс. В отношении Данияра Аминова, кареглазого 30-летнего гения, любимца страны и основателя фармкомпания «Аминов Биотек», данная формула работает следующим образом: - частота наших встреч выросла с нуля до «каждый день». Мы съехались! - общие интересы по-прежнему отсутствуют. Тут ничего не поделаешь. - его раздражающие черты стремятся к бесконечности. Зазнавшийся сноб! Если компонент Икс не окажется значительным, мы провалимся. А это значит, что нам светит статья — мошенничество. Чтобы избежать ее, нам предстоит год продержаться в фиктивном браке. Я робко прижимаю к груди сумку и захожу в его стеклянный дом. В этих хоробах точно есть какая-нибудь красная комната. Не дай бог ее случайно обнаружить!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Ольга Вечная

Формула влечения

Аннотация

Пять лет назад, шутки ради, я вывела формулу влечения.

Влечение = частота встреч + общие интересы – раздражающие черты + компонент Икс.

В отношении Данияра Аминова, кареглазого 30-летнего гения, любимца страны и основателя фармкомпания «Аминов Биотек», данная формула работает следующим образом:

- частота наших встреч выросла с нуля до «каждый день». Мы съехались!
- общие интересы по-прежнему отсутствуют. Тут ничего не поделаешь.
- его раздражающие черты стремятся к бесконечности. Зазнавшийся сноб!

Если компонент Икс не окажется значительным, мы провалимся.

А это значит, что нам светит статья — мошенничество.

Чтобы избежать ее, нам предстоит год продержаться в фиктивном браке. Я робко прижимаю к груди сумку и захожу в его стеклянный дом.

В этих хоромах точно есть какая-нибудь красная комната. Не дай бог ее случайно обнаружить!

Ольга Вечная

Формула влечения

Все вымышлено, любые совпадения случайны

Формула влечения

$$A = k_1P + k_2S - k_3Awk + X$$

A — attraction (влечение)

P — physical presence (частота встреч)

S — similarity (общие интересы)

Awk — awkwardness (раздражающие черты)

k₁, k₂, k₃ — «коэффициенты для солидности»

X — непредсказуемый компонент, «Икс-фактор»

Глава 1

Сегодня двадцать первое сентября, мой двадцать первый день рождения, но преисполняюсь я воодушевлением не только по этому поводу.

Обнимаю родителей, братьев. Распечатываю подарки, задуваю свечку на кексе — семейная традиция — и спешу на остановку.

Волнение будоражит, мне приходится бежать под дождем, чтобы успеть на автобус.

В любой другой день я бы не переживала так сильно из-за опоздания, но только не сегодня.

В восемь двадцать начнется первая лекция по биоинформатике вирусов, аудитория забьется битком. Это не шутка: места бронировались за месяц. В прошлом году две девушки серьезно поссорились из-за первой парты, ходили слухи, что дело дошло чуть ли не до драки.

И нет, дело не в тяге к знаниям.

Три раза ха. Убейте меня лучше.

Я учусь в магистратуре биофака — мои друзья и коллеги преимущественно флегматичные зануды. Чтобы нас раскатать до десяти утра, должно случиться нечто грандиозное. Например, если бы Тимоти Шаламе, Остин Батлер и Джейкоб Элорди решили бы устроить кастинг поцелуев в вестибюле.

Чтобы мы вступили в драку, небо должно как минимум рухнуть на землю.

Я застываю в дверях. Кажется, оно рухнуло.

Народу — тьма!

А все потому, что этот курс ведет не кто иной, как Данияр Рамильевич Аминов. Загибайте пальцы: руководитель собственной лаборатории «Аминов Лаб», лауреат нескольких серьезных грантов и звезда биоинженерии. А также мужчина, от которого, по словам моей лучшей подруги Сони, «веет сексом, гениальностью и легкой социально опасной вибрацией», что бы это ни значило.

Кстати, Данияр Аминов испускает «опасные вибрации» не только в научном мире, но и за его пределами. Он периодически появляется на телевидении как «молодой эксперт по биотехнологиям». Ходят слухи, у него насыщенная личная жизнь и даже роман с известной актрисой.

Тут хочется пояснить: есть два типа ученых. Первые, как мой отец, — всю жизнь занимаются фундаментальными науками, за что им скажут спасибо потомки, но в момент зарплата близится к прожиточному минимуму, а семья — перебивается с рубля на копейку.

И вот такие, как Данияр, плотно сидящие на грантах. Мы все до единого мечтаем попасть в его лигу, но понятия не имеем, как это сделать.

К счастью для нас, последний грант обязует его участвовать в проектах кафедры, и кафедра радостно пихает его везде, куда только можно. В том числе нам на обозрение.

Говорят, Аминов упирается изо всех сил и вечно пытается соскочить.

Не понимаю, почему. Мы такие милахи.

Я протискиваюсь к месту, которое... эм, бронировала у старосты? Шестая парта в левом ряду, не Камчатка, но и не слишком вызывающе.

Соня радостно восклицает при моем приближении:

— Ты успела! С днем рождения, дорогая! Будь самой счастливой с Максимом или без него. Ты идеальна, ты королева, ты звезда. Всегда помни об этом.

— Спасибо, — тепло обнимаю подругу. — И спасибо, что держала мое место. Я чуть не опоздала на автобус.

— У меня раз пятнадцать спрашивали, свободно ли оно, но я держалась, один раз даже чуть не покусала Березкину.

Мы обе вздыхаем — эта Березкина! Внучка декана, вечно пытающаяся устроиться на местечко потеплее.

— Кстати, у меня для тебя подарок.

— Еще один? — восклицаю я пораженно, и она смеется. Обожаю громкий смех Сони.

Протягивает перевязанный бантом сверток. Я быстро распечатаваю и обнаруживаю внутри красный свитер, тут же натягиваю прямо на футболку.

— Нормально?

— Идеально. Тебе безумно идут яркие вещи, Кариш, носи на здоровье.

В этот момент в лекционную заходит еще один человек, и все замолкают. Перемена столь резкая, что волнение невольно усиливается.

— Это он, это он, — доносятся шепотки отовсюду.

Мы с Соней тоже замолкаем и подаемся вперед от нетерпения.

Конечно, я видела его фотографии раньше. Одна из них вообще висит в вестибюле главного корпуса, рядом с кабинетом приемной комиссии, чтобы привлекать наивных абитуриен-

тов. Но вживую... мы не пересекались. Знаете, как бывает, когда любишь обработанной в фейс апе фоткой, а потом видишь парня на первом свидании и такая — ну да, разумеется.

Так вот — это не тот случай.

Он чертовски высокий.

И чертовски хорошо сложен.

Ни сутулости, ни нажитого в лабораториях «научного» жирка. Одет одновременно безукоризненно и небрежно: черные брюки и тонкий серый свитер.

Темные волосы коротко пострижены, лишь этим одним он отличается от большинства парней в аудитории, предпочитающих хвостик на затылке.

А еще у него единственного из нас всех есть деньги, и эта разница вдруг так хорошо считывается, что в воздухе повисает неловкость.

Многим из присутствующих он ровесник. В мои годы он уже выиграл первый серьезный грант и собрал лабораторию. Он приехал на «Мерседесе».

Я понятия не имею, как это возможно.

Нам всем плевать на вирусы, мы хотим, чтобы он начал делиться секретами.

Глава 2

Но как же жарко! Я не снимаю свитер лишь потому, что он мне безумно нравится.

Данияр Рамильевич окидывает аудиторию тяжелым взглядом. Ожидалось, что он придет в восторг: еще бы, сколько людей приехало послушать. Но он лишь хмурится.

И направляется обратно к двери.

Это все? Эм, конец?

Мы синхронно наблюдаем, вытянув шеи. Но уходить лектор не собирается, вместо этого распахивает дверь. После чего вновь, в полной тишине, пересекает аудиторию и открывает ближайшее к кафедре окно.

— Здравствуйте. Как вас много, — произносит громко, но без особой радости. — Душновато, не так ли? Надеюсь, никто не против, если мы проветрим.

— Меня продует! — выкрикивают с левого ряда.

— Придется вами пожертвовать ради общего блага.

По аудитории проносятся робкие смешки.

— Меня зовут Данияр Рамильевич Аминов, я буду читать курс лекций по биоинформатике вирусов и хочу предупредить сразу: ничего нового я вам не скажу. Все лекции есть в методичке, которую одобрила кафедра, за любое отклонение от плана меня ждет взбучка, в которой я не вижу смысла, поэтому мне придется рассказывать вам общеизвестное старье, а вам — его слушать. Пропуски не ставлю, журнал не веду. В лицо не запоминаю, если только вы не совершите нечто особо выдающееся, — добавляет он довольно мрачно. «Выдаваться» резко не хочется. — Если у вас есть дела, можете отправиться решать их прямо сейчас, пока я протираю доску.

Никто не двигается.

Еще бы: в том году из-за него отчислили семь человек. Даже декан ничего не смог сделать. Впервые Березкина оказалась в равных со всеми условиях.

Аминов разочарованно вздыхает.

Первая парта фотографирует его со вспышкой.

— В сети тьма моих фотографий, неужели этого недостаточно? Больше так не делайте, иначе я сделаю усилие, запомню вас в лицо и припомню ситуацию на экзамене.

Дождь за окном барабанит все сильнее.

Жуть какая.

Данияр Рамильевич называет тему, поворачивается к доске и принимается писать формулы.

Методичкой он не пользуется. Маркер шустро скрипит по доске. Движения руки резкие, уверенные.

Мы едва поспеваем за логикой построения модели взаимодействия фага с бактериальной мембраной.

Каждый раз, когда он поворачивается спиной, его фотографируют. Соня тоже не удерживается и делает памятный снимок, я же решаю не рисковать. Да и зачем мне его фотография?

Что мне с ней делать?

Проходит час. Формулы громоздкие, слоистые, с кучей производных.

Его рука летит... и вдруг замирает.

Данияр Рамильевич останавливается так же резко, как начал. Смотрит на доску, хмурится. Отходит на несколько шагов и скрещивает руки.

Бесконечные пять секунд молчания отбиваются ударами сердца.

Я машинально пробегаю глазами по написанному.

Он хмурится сильнее.

А дальше я, наверное, теряю рассудок или, может, мною завладевает кризис двадцати одного года, если такой существует.

Но моя рука взлетает вверх.

Данияр Рамильевич поворачивается, наши взгляды встречаются, и я обмираю от странного, несвойственного мне волнения. У него темные, как ночное море, глаза. Очень умные. Проницательные.

Почему-то кажется, что в них мелькает вопрос, и я охотно на него отвечаю:

— Десятая строка. Вы умножили на коэффициент b , а он введен только на втором этапе. Здесь должен быть a .

Он медленно поворачивается к своим формулам, смотрит мгновение и произносит:

— Правильно.

Подходит, резко исправляет. И одним движением перечеркивает половину доски.

Я ощущаю шок.

Абсолютно все пялятся — угадайте, на кого.

В следующий момент я осознаю, что натворила.

О нет. Должно быть, все заметили его банальную опisku, с кем не бывает. Но умные люди предпочли держать рот закрытым, а не прилюдно тыкать носом нервную звезду биоинженерии, от которой зависит главный экзамен будущей сессии.

Пульс начинает частить.

Пусть он увлечется исправлениями и забудет о моем существовании.

— Назовите вашу фамилию, — произносит Аминов, оборачиваясь.

Я молчу.

— Красный свитер. — Он смотрит именно на меня. — Вам не слиться с местностью.

Смешки разносятся по аудитории. Приходится встать.

— Мусина Карина. — Называю номер группы и добавляю полусшепотом: — Извините.

Смеются громче. Вот блин. Он протягивает маркер.

— Карина Мусина, раз нашли ошибку, перепишите строку.

Серьезно?

Этот сноб решил, что я высокомерная выскочка, которую нужно поставить на место?

— Я? Не смогу. Наверное.

Щеки начинает печь.

— Почему?

— Я... только пришла изучать этот предмет.

— Но вы же следили за ходом лекции. Формулы написаны, ошибку исправить легко. Ноги вдруг становятся ватными.

В своей фантазии я гордо выхожу вперед, хватаю маркер и ставлю Данияра Аминова с его вибрациями на место. После чего про меня выходит громкая статья, мне вручают его лабораторию, моя семья переезжает из убитой трешки в коттедж, и я покупаю себе красную машину и сумку. Под цвет нового свитера.

При этом в реальности я почему-то немею. Он смотрит в упор, еще минута, и запустит этим маркером в меня. В висках стучит.

Я не считаю себя робкой и не понимаю, почему голова становится пустой, как чугунная кастрюля — ударь ложкой, и загудит.

Он подходит ближе. Между нами теперь ровно шесть парт. Он делает еще шаг и поднимается на ступеньку.

Зачем?

Девчонки, что выбили себе передние парты, разглядывают его. А одна из них, кажется, только что понюхала его рукав?..

Мои руки впервые в жизни дрожат.

Кто-то что-то говорит, но он делает нетерпеливый жест, призывая заткнуться.

— Мы, разумеется, подождем столько, сколько потребуется, Карина Мусина, — произносит со странной усмешкой, от которой хочется залезть под парту. — Не спешите.

Я медленно поднимаюсь, готовясь ответить.

Да он же собирается меня унижить. Превратить в посмешище. Поиздеваться.

Ну уж нет, я не стану. Не хочу. Резко поднимаюсь:

— Извините.

И, не разбирая дороги, стремительно выхожу из аудитории через заднюю дверь.

Глава 3

Примерно 5 лет спустя, 10 декабря

Я продаю электрокабели уже неделю.

Фигабелли.

И вполне счастлива.

Разумеется.

Полагаю, вы даже не представляете, насколько этот товар востребован. Я тоже раньше не задумывалась, не было необходимости. Мы многое в жизни принимаем как должное, например, электричество, хотя отключи его — мир встанет.

Мне крупно повезло, что подруга моей мамы десять лет проработала на заводе «Квант-Кабель» бухгалтером и договорилась для меня о собеседовании на должность логиста.

«Пора заканчивать с наукой, ты ведь уже взрослая, Кариш», — сказала она мне, снисходительно улыбнувшись.

Я и сама понимала, что пора и что взрослая. Но почему-то расплакалась. Ничего хорошего наука моей семье не принесла. Вспыхивает воспоминание, как мама рвала папины грамоты, десятилетиями украшавшие коридор.

Стоп. Не стоит сейчас об этом думать.

Я качаю головой и ускоряю шаг.

Свитеру, что на мне, в сентябре исполнилось пять лет. Непонятно, откуда при регулярной носке столь безупречное состояние, поэтому после смерти я, вероятно, завещаю его какой-нибудь «Ассоциации свитеров» для исследований.

Он мне нравится, и все же было бы неплохо для разнообразия приобрести что-то такое же красное, но новенькое.

Хватит науки. Хватит бедности.

Патентами сыт не будешь! Смотря какими, конечно, но как бы я ни пыталась перевести количество работы в качество зарплаты — у меня ничего не вышло. Наверное, я и правда такая, как отец. Фундаментальная неудачница.

От одной мысли становится так больно в груди, что я замедляю шаг. Не буду об этом думать. Кыш-кыш, ядовитые мысли!

Я захожу в кофейню и встаю в очередь на кассу.

Морозно! Потираю руки, сетуя, что поленилась надеть перчатки.

Кстати, у меня прекрасное рабочее место. Небольшой кабинет на двадцать пять столов, где мы с другими логистами и менеджерами сидим напротив друг друга. Буквально глаза в глаза, благодаря чему кое с кем я уже познакомилась. А еще мы сдали деньги на новогодний корпоратив. Новая жизнь, юху!

Не терпится в нее окунуться с головой.

Дверь позади хлопает, порыв морозного ветра врывается в зал, заставляя поежиться. Я оборачиваюсь то ли от скуки, то ли машинально на звон колокольчиков и... отказываюсь верить глазам.

Мы находимся в промышленном районе, здесь в воздухе витают частички цемента, на каждом шагу стоят фуры, продается электроинструмент, гвозди, болты и все это оптом.

Поэтому кандидат наук, основатель фармкомпании «Аминов Биотек», звезда биоинженерии, и по совместительству мудака Данияр Аминов не может здесь находиться ни по логике, ни по здравому смыслу. Если такому, как он, вдруг понадобится шуруповерт, он не поедет по базам искать вариант подешевле.

Тем не менее Данияр Аминов стряхивает снег с волос и плеч в трех метрах от меня.

Если я ломанусь к выходу немедленно, то не смогу его обогнуть. Мне придется столкнуться лицом к лицу с участником своих многолетних ночных кошмаров.

В этом пальто он кажется еще шире и больше, чем в рубашках и свитерах, в которых приходил на экзамены, превращая их в ад.

Анализ в моей голове занимает половину мгновения, я выбираю стратегию выживания и поворачиваюсь к кассе.

Здесь шумно, играет популярная новогодняя мелодия, работает кофемашинка, но я ощущаю его приближение всеми фибрами души.

Сколько крови он нам с друзьями выпил! Вампир, Влад Цепеш, только вместо девственниц ему подавай магистров биофака. С чего он вообще взял, что мы питательные?

С другой стороны, если все же девственниц и девственников, то он определенно знал, где искать. Я мысленно начинаю выводить формулу вероятности секса среди магистров и аспирантов друг с другом или с кем-то еще. Ввожу коэффициенты частоты употребления алкоголя, ощущения отчаяния, бессмысленности бытия и нелепости жизни... И заставляю себя прекратить. Сосредоточься на электрокабелях, Карина.

К тому же не все было так плохо, у меня вообще-то и парень имелся, и даже серьезные отношения.

Аминов равняется со мной.

Наверное, он и сейчас мучает несчастных магистров. Слава богу, после поступления в аспирантуру я ни разу его не встретила. Не считая форумов и конференций, где он то и дело блистал.

Баристу от меня отделяет лишь один человек.

А дальше я снова не верю своим глазам: Данияр Аминов встает передо мной в очереди, будто меня вообще не существует.

Очень по-мужски.

Я вскидываю яростный взгляд, чтобы высечь между его лопаток невидимое слово «мудак», но он, оказывается, стоит спиной к кассе. И лицом ко мне.

К такому я была не готова. Все годы учебы старательно избегала его лекций после того, что произошло. И... сейчас словно «рухнула» в прошлое. Ощутила ту самую горячую смесь неловкости, неуверенности в себе, страха и возмущения. Мир словно остановился, лицо странно запыхало, да так, что захотелось немедленно окунуть его в снег, чтобы хоть немного остудить.

Я громко вздыхаю и делаю шаг назад.

При этом технически мы, безусловно вынужденно, смотрим друг на друга, между нами по-прежнему намного меньше метра, и мне приходится основательно задрать подбородок.

— Данияр Рамильевич, здравствуйте, — говорю с вежливой улыбкой.

Как бы я ни разозлилась, воспитание оказывается сильнее.

— Красный свитер, — произносит он, неприятно усмехнувшись.

— Вообще-то это другой, — обороняюсь немедленно.

— Допустим. — А дальше он скрещивает руки на груди и вываливает на меня претензию: — Карина Мусина, какого дьявола вы бросили аспирантуру?

Это так неожиданно, что я едва не начинаю оправдываться.

В темных, как уголь, глазах столько негодования, будто я сломала все его планы на жизнь и буквально лишила будущего. Как будто он лишь на меня одну и надеялся.

Может, руководители грантов и кандидаты наук делают ставки на аспирантов — кто продержится дольше в «голодных играх» родимого биофака?

Или, например, устраивают забеги, как у собак или даже жуков. Я видела в каком-то фильме. Он что, поставил на божью коровку Мусину кругленькую сумму?

Ну, извините.

Что я несу? С другой стороны, иначе ситуации не находится объяснения.

— Здравствуйте! — восклицает бариста. — Какой кофе сварить для вас?

Аминов резко оборачивается и произносит:

— Капучино на безлактозном, двести пятьдесят. А девушке... — и делает паузу, оглянувшись.

Через пару секунд они с баристой все еще смотрят на меня.

— А девушке... — повторяет Аминов с нажимом.

Почему-то дерзить опять не получается. Как и пять с небольшим лет назад, я бубню:

— То же самое. Только самый большой. И сэндвич с курицей.

— Тоже большой?

Аминов держит в руке банковскую карту, и я догадываюсь, что платить буду не я.

— Да. И два макаронса.

— Леди, какой желаете вкус?

Аминов переводит глаза с меня на баристу и обратно.

— Фисташка-малина и манго.

Прикладывает карту. Спустя пять минут мы сидим за столиком, я распечатываю свой сэндвич, а лидер «Аминов Биотек» сверлит меня глазами.

Может, ему нужны электрокабели для лаборатории?

Глава 4

Чувствовала ли я неловкое смятение, пока Данияр Аминов оплачивал мой обед, а потом, когда прозвучал сигнал о готовности, отправился за подносом, чтобы принести его за наш столик?

Каждую секунду происходящего я пребывала в ужасе.

Но, как часто бывает в стрессовых ситуациях, за неимением иного выхода люди собираются и действуют, словно так и было задумано. Данияр-преподаватель и Данияр, готовый оплатить чей-то обед... мой обед, — казались двумя разными мужчинами. И хотя передо мной сидел тот же самый человек и смотрел так же требовательно, почему-то в своей голове я их разделила.

И это помогло.

К тому же я больше не учусь в аспирантуре. Послала нафиг его науку и все, что с ней связано.

Я собираюсь посвятить жизнь оптовым продажам и соблазнить симпатичного менеджера, который поставит какой-нибудь месячный рекорд.

— ...Таким образом, — рассказываю я, — на нашем заводе «КвантКабель» работает более тысячи человек. Крупное предприятие.

— Почему в названии есть слово «квант»? Я не понимаю.

Да бог его знает! Электрический заряд не квантуется в проводах! Но не всем же называть компании в честь себя любимого.

— Я думаю, название выбрано на перспективу. В будущем мы будем заниматься проводниками нанометровых размеров.

— Seriously?

— Вообще, вряд ли.

Он изгибает бровь, словно раздумывая, не спятила ли я. Я громко пью кофе через соломинку.

— Карина, послушайте, — он обхватывает руками стакан и рассматривает пластиковую крышечку. Я начинаю нервничать. Его руки я видела так близко несколько раз — трижды он протягивал мне зачетку, дальше мы уже перешли на электронные. И каждый раз я пребывала в таком стрессе, что подташнивало. Сейчас организм реагирует по привычке схожим образом. — Я не поддерживаю ваше решение. Вы талантливы, ваши методы анализа данных впечатляют. Ваше решение, мягко говоря, нерационально.

Мягко говоря?

Вдруг накатывает такая ярость, что я почти готова на него сорваться! И вполне могла бы это сделать, потому что никак больше от него не завишу. Но воспитание вновь берет верх, и я на секунду отвожу глаза.

Лишь хмыкаю:

— Это было взвешенное решение.

— Скажите, пожалуйста, в чем настоящая причина? — Он не сюсюкается, говорит по-прежнему требовательно, вежливые слова лишь дань принятым нормам.

— Что, если я скажу, что это не ваше дело? — Я вскидываю глаза и убеждаюсь, что он больше не смотрит на свой стакан.

Только на меня.

При этом в его взгляде нет вообще ничего: никаких эмоций, тепла, холода, насмешки, презрения, поддержки... Ни одной подсказки насчет его отношения ко мне и смысла этого разговора.

Я все еще уверена, что эта встреча случайна. Вероятно, он приехал сюда по делам, зашел за кофе, приличных кофеен на этой улице не так много, встретил аспирантку. Наверное, кто-то где-то упомянул при нем, что я бросила учебу, и у него это зацепилось в голове. Наверное, из-за той ошибки, что я нашла в его формулах пять лет назад.

Меня с тех пор так и звали: «Карина Мусина — это кто? А, это та девица, что уделала Аминова». Минута триумфа. Новости быстро разлетелись по универу, несколько преподавателей мне даже пожали руки. Но, увы, иначе у меня прославиться так и не получилось.

Год за годом.

Проект за проектом.

Я писала статьи, проводила дни и ночи в лабораториях, участвовала в патентах. Но самое крупное достижение по-прежнему — это случайная описка в одной из сотни его лекций.

Да как у него язык поворачивается назвать меня талантливой? За эти пять лет он вырос от лаборатории до собственной фармкомпании!

Возможно, в тот день он был болен. Или просто думал о своих витаминах, реклама которых задолбала, прошу прощения, всех.

— Вы у меня учились. Поэтому я считаю возможным задать этот вопрос.

Я быстро отворачиваюсь, чтобы справиться с эмоциями. Неважно. Все это неважно! Я просто хочу закончить разговор побыстрее и больше никогда не пересекаться ни с кем из прошлого. Поэтому... Да боже, какая ему разница?

— Этому свитеру пять лет, — бормочу.

— Что? — Аминов прищуривается, подается вперед, и мне приходится произнести это громче:

— Этому свитеру пять лет. В отделе логистики я буду работать на двадцать часов меньше и получать в два раза больше. В месяц. Еще вопросы, Данияр Рамильевич?

Выпалив эти слова на одном дыхании, ужасно злюсь на себя за стыд, который испытываю.

— А, дело в деньгах, — произносит он совершенно серьезно, и как будто успокоившись. Понимающе кивает. — Конечно, вы молоды, хочется красиво одеваться, ездить в отпуск.

Стыд становится практически невыносимым. Но я не отступаю:

— Так и есть. И... я не считаю это преступлением.

— Я вас подвезу. Идемте.

Я тщательно отряхиваю ноги, прежде чем забраться в его высокую навороченную машину. Жду, пока Аминов очистит ее от снега, греюсь в салоне. Он ловко орудует щеткой, что меня удивляет, как и все человеческое, что он делает.

Я так сильно его боялась, что была уверена: он как призрак существует лишь в стенах аудитории и моих кошмарных снах, конечно. Призрак-вампир.

— Здесь недалеко, спасибо, — сообщаю, когда он усаживается за руль. — Еще спасибо за обед и за то, что вы попытались меня переубедить. Не каждый преподаватель будет помнить в лицо своих магистров, а также отслеживать их судьбы.

— Думаю, каждый, но не всех магистров. Карина, что вы знаете о моей компании?

— Не очень много. «Биотек» расположен где-то недалеко от Москвы, у вас собственные лаборатории и опытное производство. Вы выпускаете популярную линейку витаминов, но также ведете закрытые исследовательские проекты в области вирусологии и бактериофагов.

Вообще-то я знаю о ней все, что можно найти в сети.

— Не хотите поучаствовать?

Дергаюсь, заинтересовавшись! Но быстро гашу эмоции.

— Спасибо, но нет. Кстати, как-то раз я присылала резюме в ваш отдел кадров, мне не ответили.

Мы с Соней тогда были пьяны и сделали в письме четыре ошибки. Если бы следующим утром, когда я перечитала на трезвую голову, мне бы пообещали: Кариш, если ты разобьешь свой единственный ноутбук об стену (или о свою голову), письмо магическим образом исчезнет с сервера — я бы так и поступила незамедлительно.

— Не знал.

— Да, мне почему-то не ответили.

Отвожу глаза в сторону. Пу-пу-пу.

— Вы правы, мы активно занимаемся исследованиями. Сейчас подаемся на новую федеральную программу. Слышали о «Биомед-2030»?

Речь о сотнях миллионов. Он решил похвастаться?

— Конечно. Вы уже дважды заходили в подобные программы. Значит, вас можно поздравить и в третий?

— Не совсем. В этом году они изменили условия.

Его машина останавливается на парковке здания «КвантКабель», и я берусь за ручку двери.

— Спасибо, что подвезли. Удачи!

— Не хотите спросить, что изменилось?

— Если честно, не очень.

— Для ученого вы слишком легко пренебрегаете любопытством.

— Поэтому и не срослось, — пожимаю плечами. Но все же не выдерживаю: — Там же сейчас жесткий отбор, консорциумы¹, отчетность. Логично.

— Дело не в этом. Карина, я хочу предложить вам сделку. Пожалуйста, выслушайте внимательно, потому что речь идет о ключевых исследованиях. И о большой сумме денег.

Специально делает упор на деньги? Не слишком-то приятно. Он продолжает:

— В этом году появилось новое условие: вне конкурса рассматриваются проекты семей молодых ученых. Это единственный пункт, по которому «Биотек» не проходит. У меня нет семьи.

Что неувидительно.

— Мне правда пора идти. Если меня уволят, то у меня не останется работы.

— Мы можем друг другу помочь. Вам не придется заниматься тем, что вам не нравится: в «Биотеке» вы найдете работу по профилю с удобным графиком. Плюс к этому, через год, после нашего с вами развода, при разделе имущества вы получите крупную сумму денег. И сами будете решать — открыть собственную лабораторию, уйти в частные проекты или жить на проценты — это уже не мое дело. На ваше имущество, в том числе нажитое в браке, я, безусловно, претендовать не стану. Для меня это вопрос не комфорта, а выживания проекта. Мы с командой занимаемся этими исследованиями более семи лет. Я не могу поставить их на паузу из-за формального условия. Эти деньги мне, считайте, жизненно необходимы. И в долгу я перед вами не останусь.

— Подождите.

В его глазах загорается столько заинтересованности, что она буквально граничит с голодом, и я отказываюсь от идеи, что попала в пранк.

Он совсем не улыбается, и я тоже этого не делаю.

Когда в моем универе распределяли гранты, я стояла на обочине. Пусть. Но я понимаю, о чем речь.

— Они хотят, чтобы вы женились, верно понимаю? — формулирую основной вопрос максимально простым языком.

— Они представляют себе социально устойчивого кандидата.

— Если хотите мое мнение, — говорю также ровно, — вы излишне фанатичны, когда дело касается работы. Возможно, в этом дело.

— Вероятно. Поэтому социально приемлемая жена оказала бы мне услугу.

— Но у вас же наверняка есть девушка.

— Засчитывается семья молодых ученых. Я уже уточнил на кафедре, ваше заявление аннулируют, вы спокойно восстановитесь и продолжите свои исследования.

¹ Временное объединение нескольких организаций под один большой проект.

— Почему бы не обратиться к кому-то из вашей команды? Это бы выглядело логично: вы вместе работаете, вспыхнули чувства. Ночь, лаборатория, лишь ветер гудит за окном...

Он вновь изгибает бровь, словно засомневавшись, правильный ли сделал выбор.

— Я просто пытаюсь логично обыграть ситуацию.

— Самой юной и незамужней девушке в моей команде сорок семь, я уже узнавал, наш брак не подойдет под критерий «молодые», на данный момент планка тридцать пять лет. В вашем случае проблем быть не должно. Вы больше у меня не учитесь, то есть университет не будет возражать, и вам всего двадцать шесть.

Я понижаю голос:

— Но ведь это мошенничество.

— Если вдруг так случится, что все вскроется, я возьму вину на себя. Скажу, что ради гранта соблазнил аспирантку, это было несложно.

Видимо, выражение моего лица говорит Аминову о многом, потому что он добавляет:

— Наше сексистское общество съест такое и не подавится.

— Мне... страшно даже думать об этом. Вы ведь понимаете, что я из тех, кто пишет шпоры, но не берет их на экзамен?

Он спокойно кивает.

— Я буду рядом. Я — один из лучших биоинженеров в стране, вы — талантливый биоинформатик. Неужели мы не придумаем, как обойти эту бюрократическую ловушку? Тем более мы это делаем не для себя, а для науки.

— Я все еще в шоке, что с таким предложением вы обратились именно ко мне.

— Вы достаточно практичны, чтобы продавать кабели с приставкой «квант». — Пожимает он плечами. — Уверен, вы прекрасно справитесь с этой ролью.

Глава 5

— Кто это был? — Марина, которая работает за соседним столом, наконец-то признала мое существование.

Вообще-то она милая. С другими. Когда же я предложила сходить за кофе вместе, сделала вид, что не слышит из-за играющей в наушниках музыки.

— Где? Ты о ком?

— Мужчина. Высокий такой, стрижка короткая. Спрашивал, где ты. Посидел за твоим столом.

Это еще зачем? Теперь мне кажется, что в воздухе и правда витает аромат его туалетной воды.

— Как его вообще сюда пустили?

Марина пожимает плечами и усмехается:

— Он преступник?

— Да нет. — Хотя... — Просто зачем я таскаю с собой этот пропуск, — машу карточкой, — если кто угодно может зайти в офис и сесть на мое место?

— Я не знаю, может, охрана ушла на обед? Он спросил, где Карина Мусина. Тебя здесь пока мало кто запомнил, но я показала. Потом он уточнил, как скоро ты вернешься, и я отправила его в кафе через дорогу. Вы состыковались?

Ага, слушала она музыку.

— Состыковались.

— Это был твой брат? — в ее глазах мелькает энтузиазм, надежда и внезапное желание близко дружить. Именно то, что мне нужно.

Но увы.

— Не совсем. Моим братьям шестнадцать и восемнадцать, и они, полагаю, сейчас в школе. Надеюсь. Когда парням шестнадцать и восемнадцать, никогда не знаешь наверняка, где они находятся и чем занимаются.

Сложно не заметить, как заинтересованы коллеги вокруг. Это из-за машины Аминова? Он произвел фурор?

Нужно сообщить, что он мой бывший преподаватель, приезжал уговаривать вернуться в аспирантуру. Номинально ведь так и было. От странного предложения я, разумеется, отказалась, у меня уже есть работа, которая мне нравится. И садиться за решетку во имя науки, извините, не хочется. Она и так по мне проехала.

Авторизуюсь в программе, но Маринка, кажется, все еще ждет ответ на свой вопрос.

— Аминов Данияр... преподавал у меня когда-то давно, — сама не пойму, почему отвечаю уклончиво.

— Так он препод? — включаются коллеги.

— Типа того.

— Да ладно.

— И какой предмет он ведет? — как будто берут на слабо.

Я называю, и они морщатся.

— Звучит как какая-то фигня.

— По факту все именно так, как и звучит.

Кто-то шутит:

— И все же не там я училась, раз у вас такие преподы.

Я тоже. Но что подделаешь.

— Так, а зачем он приезжал?

— По личному вопросу.

Марина понимающе кивает и возвращается к графикам на мониторе. Втыкает наушники в уши.

Уж не знаю, какие она сделала выводы, но вопросов больше не задает. А я погружаюсь в расчеты. Задачи достаточно простые, у меня уходит примерно час на то, чтобы сделать все запланированное на сегодня. Затем я решаю подумать, как можно оптимизировать работу отдела.

В какой-то момент становится так скучно, что озираюсь по сторонам. Ряды одинаковых столов, соседнее здание за окном точно такое же.

Каждый занят своим делом: кто-то висит на телефоне с клиентами, кто-то заполняет формы заявок. Что здесь делаю я?

Быстро смотрю на часы — что ж, сегодня этот вопрос всплывает в моей голове всего в третий раз. Привыкну. Главное — дожидаться зарплаты, а там уже дела пойдут бодрее.

О визите Аминова и его провокационном предложении я вскоре забуду. Он сказал, что это необходимо сделать ради науки. Ради науки я больше ничего делать не стану, только для себя самой.

Мама звонит без пятнадцати шесть. Я давно закончила и почти умерла от скуки, но по правилам компании не имею права уйти раньше.

— Мамуль, привет, — говорю полупшепотом. — Нам тут нельзя болтать.

— Карина, Марк не хочет, чтобы я везла его на реабилитацию.

Дальше следует пауза. Младший братишка профессионально занимается футболом, недавно он получил серьезную травму колена. Фонд полностью оплатил операцию и реабилитацию, засранцу остается лишь приезжать, но он и на это, как выяснилось, не способен.

— Опять?

— Если мы без уважительной причины пропустим две процедуры, нас попросту снимут с программы. Он как будто не понимает, что дело касается его собственного здоровья и будущего. И что у нас нет средств лечить его ногу самостоятельно! Со мной... не разговаривает.

Ком застревает в горле. Я знаю этот мамин голос, еще немного, и она заплачет, мое сердце сжимается от невыносимой, самой острой боли на свете — за близких.

— Закрылся в комнате. Я уже трижды стучалась.

Я прочищаю горло.

— Где Марат?

— Гуляет.

— К скольким нужно приехать в больницу?

— К семи.

— Так... мам, не волнуйся, я попробую успеть.

Вызываю такси, а сама спешу к руководителю отдела, но того на месте не оказывается. Напряженно хожу между рядами в поисках кого-нибудь с полномочиями меня отпустить пораньше. Машина уже приехала, ожидание стоит дорого.

Ладно. Десять минут осталось. Выключаю комп, хватаю куртку и выхожу из кабинета. Прикладываю пропуск к турникету и сбегаю по лестнице.

Ехать довольно долго, и я решаю не терять времени даром. Набираю номер брата.

— Кариш, привет! — говорит он весело, словно не довел пятнадцать минут назад до истерики женщину, которая его рожала в муках. — Как дела? Как новая работа?

— Прекрасно. — Обращение «мелкий засранец» я добавляю мысленно. — Марк, я сейчас приеду, будь готов через... тридцать пять минут.

— Зачем?

— Поедем на реабилитацию.

— А. Нажаловалась, значит.

— Во-первых, она не жаловалась, а объяснила ситуацию — это разные вещи. Во-вторых, у нее есть имя и статус в твоей жизни. Прикинь, какое совпадение, ее статус — также твое первое в жизни слово.

— Так, слушай, ты мне позвонила, чтобы...

— Сказать, чтобы ты прогрел тачку. Действуй пулей, а то и правда опоздаем. Давай-давай, не бузи. Я на подлете.

За что люблю китайские машины, так это за полный фарш при адекватной стоимости — в «Солярисе» у нас не было, например, подогрева руля и сидений. Марк уже развалился в пассажирском кресле, уставившись в телефон.

На заднем сиденье сложены его костыли.

— Ну, привет, одноногая пуля, — я обожаю ерошить его густые волосы, но с тех пор, как братишка получил паспорт, он перестал даваться.

Тем не менее, я улучаю момент и успеваю его потискать.

— Карина. Ну. Как маленькая ведешь себя, — тянет он с хрипотцой.

Спору, на семьдесят процентов — искусственной, но не упоминаю об этом.

Как маленькая. Дожили. У нас разница в десять лет, я прекрасно помню период, когда он был поразительно толстым и сладким младенцем. Понятия не имею, когда это пухлое чудо успело стать тощим противным вратарем юношеской команды. А еще от него пахнет... чем?

Я тянусь, чтобы понюхать, но он отшатывается.

— Это не дудка, успокойся, я перед выходом ел грейпфрут. Я вообще-то спортсмен, ты с ума сошла? Мы не курим.

— Это похвально и заслуживает уважения. Но я должна держать руку на пульсе. Так. Больница.

Быстро вбиваю в навигатор адрес, прошу построить самый быстрый маршрут и выжимаю педаль газа.

— Как дела в школе?

Он морщится и включает музыку — какой-то кошмарный рэп, в котором мало уважения к женщинам.

— О боже мой! — рассыпаюсь я в громких столах. — За что мне это?.. — Делаю тише. — Как вообще дела? Как Марат?

Марат — наш средний, ему восемнадцать.

— Нормально. Нормально. Если не считать, что я пропускаю важный матч. Если тебе есть дело до этого, конечно.

— Мне есть дело до тебя. Как видишь.

— Делать тебе больше нечего, — он делает музыку громче, но я вновь убавляю звук, теперь почти на минимум.

— Расскажи подробнее про ногу: как идет восстановление? С новой работой я совсем замоталась, нам, представляешь, не рекомендуется пользоваться телефонами для личных разговоров. К папе когда ездил?

— Нормально. Вчера. Он тоже нормально.

— Исчерпывающе.

Вновь прибавляет звук, я автоматически убавляю.

— Давай лучше поговорим, дома послушаешь. Я соскучилась!

— Видел Макса утром, кажется, у него кто-то появился. Девушка с короткой стрижкой.

Симпатичная.

А вот это было больно.

Все еще больно.

И так неожиданно, что я не нашлась с ответом.

Жизнь продолжается, мы обоюдно решили расстаться. За три года отношений накопились столько претензий, что и не разобрать.

«Я хочу нормальную, понимаешь?»

Господи.

Не знаю, в какой момент из особенной я превратилась в ненормальную. За прошлый год мне срезали несколько премий из-за слабого финансирования проектов. Я много времени проводила в лаборатории. Три мои статьи опубликовали, но деньги так и не пришли. И я... я так хотела подарить ему что-нибудь классное. Столько раз собиралась уйти в офис, но всегда что-то останавливало.

Наша прощальная ссора — мой еще один повод никогда не возвращаться в науку.

Сама делаю звук громче, и до больницы мы едем под устрашающий рэп дерзких засранцев типа такого, что сидит рядом.

Паркую машину на ближайшем к входу месте. Выключаю движок, музыка автоматически замолкает, и становится немного некомфортно.

— Я подумал, тебе лучше узнать от меня, чем увидеть случайно где-то. Ты ведь знаешь, он мой тренер. Я не могу сменить клуб, потому что ты рассталась с чуваком.

— Все в порядке. Давай я помогу с костылями. У нас еще три минуты, юху! Да я Шумахер!

— Это кто?

Десять лет разницы — совсем другие люди.

— Один певец.

— Надо скачать.

Выхожу на улицу, обхожу машину и достаю костыли. Парковку хорошо почистили от снега, поэтому мне не приходится перенапрягаться.

Марк сам открывает дверь и выбирается почти резво.

— Слушай, извини, пожалуйста. Карина, я свинья.

Вздыхаю.

— Ты не свинья, — громко нюхаю его куртку. — Хотя все же мыться желательнее почаще.

Ты уже взрослый, и пот у тебя воняет.

Он закатывает глаза. Мы близко, и я отчетливо вижу небольшую щетину над его верхней губой.

— Если хочешь мое мнение — пошел он к черту. Он тебя не достоин. — Его голос теперь звучит нормально, не как у чтеца эротических романов. — И как только я восстановлюсь, набью ему рожу.

— И тебя тут же вышвырнут из клуба.

— Плевать.

Что за мачо вырос у нас под боком!

— Все в порядке, Марк. Правда. У меня новая работа, новая жизнь, мы прекрасно уживаемся с Соней. И кстати, меня вообще-то сегодня позвали замуж.

Он скептически прищуривается, и я смеюсь.

— Какой-то чувак с новой работы? Он хоть не сильно старый?

— Постарше, это факт. Но почему бы не внести кое-какое разнообразие? Мне же нужно будет о чем-то вспоминать в старости.

Максим был младше на год.

— И что думаешь? — он не верит ни единому моему слову, но ему стыдно, и я хлопаю по плечу.

— Свою свободу я ни на что не променяю. Шевели булками.

— Максим бы капец как разозлился, выскочи ты замуж.

— Думаешь?

— О да. А если еще и удачно... Так и что там за старый мужик? Есть фотка? Он при бабках?

Я смеюсь, открывая перед братом дверь. Мы почти не опоздали.

Глава 6

Я ведь знаю, о чем вы подумали.

Максим младше, и он тренер младшего брата! Это тавтология, почти как ужас-ужасный. В свое оправдание подчеркну: у Максима обалденное тело, он первый начал за мной ухаживать, причем крайне настойчиво, еще у него классное тело, неплохое чувство юмора, он здорово ладит с детьми и... я уже упоминала кубики пресса? И кстати, бицепсы, дельты и боковые мышцы, как в рекламе мужского нижнего белья, у него тоже имеются.

Ни с чем подобным я ранее не сталкивалась, а ведь я как-никак исследователь. И мне было попросту интересно. Максим утверждал, что я особенная, что мои мозги — это дар божий и что именно длинные волосы делают женщину женщиной.

В смысле у его новой девушки стрижка пикси?.. Я три года отращивала каре!

Все это я думаю, возвращая брата домой. Едва попав в квартиру, он идет в свою комнату и демонстративно закрывается на защелку.

— Мы гостеприимная семья! Его нам подкинули! — кричу я вслед, но безуспешно.

— Проходи на кухню, Карин, поболтаем, — вздыхает мама.

— Ладно, — бодрюсь я, бросив еще один взгляд на белое дверное полотно. — Помочь с ужином?

— Я уже заканчиваю, может, просто посидишь со мной? Я чай свежий заварила. Или тебе пора бежать?

И мне действительно хочется и пора бежать, но что-то в ее тоне заставляет остаться.

Развод родителей хорошенько по всем проехался. Иногда мне кажется, что наш дом — некогда такой громкий, уютный, где все такие разные, каждый занимался любимым делом и при этом ощущал счастье, — был разорен. Уходя, папа забрал лишь чемодан с бельем и некоторой одеждой, все остальные предметы остались на своих местах. Но при этом меня не покидает ощущение, что я стою на руинах, и само понятие «дом» будто больше не существует.

Здесь тяжело находиться.

Но мы не говорим на эту тему.

Аромат травяного чая с мятой наполняет ноздри, оседает на языке, и я, обхватив чашечку двумя руками, делаю глоток. Картофель с мясом в духовке — этот аромат я тоже ощущаю, и на секунду мне даже кажется, что все по-прежнему. Но тут Марк включает свою ужасную музыку громче, я думаю о том, что папа бы уже шел сделать ему замечание, и опускаю глаза.

— Марат пропускает подготовку к ЕГЭ, — жалуется мама. — Уже и не знаю, что с этим делать. Говорит, что все знает, но я что-то сомневаюсь. Я бы проверила его, но в этих формулах сама ничего не понимаю.

— Я тоже подзабыла, но могу его поспрашивать. Провести пробник, например. Где он, кстати?

— После школы они с друзьями отправились в кино, хотя какие ему фильмы, учиться нужно. Может, попросишь папу, чтобы он с ним поговорил?

А, вот она к чему. Все не привыкну, что родители не разговаривают.

— Да, конечно. Хорошо. Как дела у тебя на работе?

— Замечательно. Премии дали небольшую, я вот думаю, поменять плиту — она еле греет, холодильник — он едва холодит, заняться здоровьем или оплатить Маратику права? Ты видела, сколько они сейчас стоят? Девяносто тысяч! Придется еще один кредит брать.

— Мамуль, я помогу, как получу зарплату. Пока еще и аванса не было, поэтому...

— Карина, — шикает она, — перестань, пожалуйста, я не к этому сказала, а всего лишь хочу посоветоваться. Ты не обязана тратить свои деньги на нас.

— Их теперь будет больше. Всем хватит.

— Но ты платишь за квартиру.

— С Соней пополам. И я думаю, нам тоже дадут премию. Хотя мне, наверное, вряд ли... но вдруг? Так что я тебя поддержу.

— Спасибо, я все верну. А папа, он... Папа... — она делает громкий вдох и меняет тему. — Только прежде купи красивое платье на корпоратив.

— Это обязательно! — радуюсь возможности поговорить о чем-то другом. — Я уже присмотрела пару вариантов на «ВБ».

— Как будешь мерить, пришли фотографии. Корпоратив в ресторане — это замечательно, я так рада, что ты сходишь, развеешься.

Да, если не учитывать, что мы на него скинулись.

— Вполне.

— А как сама работа? Неделя уже прошла, нравится?

Во второй рабочий день я закончила с делами за час и подумала, что стоит сообщить руководству. Следующим утром всех собрали на планерку и оповестили, что эту работу можно делать быстрее, и указали на меня. Все решили, что я выслуживаюсь. Ничего себе начало, подумала я.

Сегодня я придумала, как с помощью программы ускорить работу всего отдела, я даже могу попробовать ее написать, хотя это и новая область. Загвоздка в том, что для этого придется уволить двадцать процентов коллег.

Это немало.

И я, разумеется, промолчу, потому что увольнение — так себе подарочек под елочку. Все свои идеи отправлю в мусорку. Буду просто сидеть за ноутбуком, выжидая окончания рабочего дня.

Если бы я согласилась на предложение Аминова, то смогла бы устроиться в его компанию, и он бы мне не отказал. Любимым женам ведь не отказывают?

Внутренне хихикаю, вообразив такую картину.

Говорят, его лаборатории расположены в заповедной зоне и что в одной из них полностью стеклянная стена, через которую виден лес. Судя по фотографиям в сети, иногда зайцы или лисы приходят посмотреть на странных людей в белых халатах. С ума же сойти! Аж мурашки.

Обрываю поток мыслей. Никакой науки!

— Нормально. Необычно пока.

— Ты втянешься. Через три месяца не будешь представлять себя без этой работы.

Легкий ужас холодком прокатывается по коже.

— Карина, такая ты у меня красавица, умница... а жизнь все мимо шла. Поработай полгода — год, не понравится — поищем новое место. Но тебе нужно втянуться в нормальную жизнь, понимаешь? Не будь как... ладно, неважно. Еще чаю?

— Я втянусь. Кстати, слышала, у Максима появилась девушка?

Остаток вечера проходит сложно. Марат возвращается из кино, мы обмениваемся парой шуточных реплик, он накладывает себе ужин в тарелку и уходит в свою комнату.

— Их обоих нам подкинули! — закричала я в попытке разрядить атмосферу.

А еще мама слышала о Максиме.

Все слышали. И я спешу свалить, просто потому что не могу больше стоять на руинах.

Глава 7

«Солярис», который достался мне по наследству и который я забрала вчера из шиномонтажки, еле завелся.

На летнюю резину мне помогал переобуваться Максим, теперь же я сама нашла сервис, договорилась и заплатила. Вчера от мамы заехала, забрала.

Сажу за рулем и чувствую, как потряхивает то ли от холода, то ли от усталости. На часах 18:20, пятнадцать минут назад я вышла из здания «КвантКабель», села в холодную машину. Она завелась с третьего раза.

Если бы и машина подвела, нервы бы точно сдали.

Утром, едва я устроилась и включила комп, меня вызвали к начальнику. Он очень неприятный человек. И дело не в том, что грузный и странно пахнет. Есть в его интонациях и взглядах какая-то безграничная, пугающая алчность.

Я ожидала втык из-за вчерашнего раннего ухода, но вместо этого он буквально осыпал похвалами.

Про несоблюдение графика, впрочем, тоже обмолвился, но в контексте, что некоторым сотрудникам позволено больше. Но обо всем по порядку.

Спустя двадцать минут общения я начала догадываться, что подруга моей матери меня перехвалила. И я с дуру показала неплохие результаты в первые дни работы, которые заметили.

— Карина, мы долго искали специалиста вашего профиля.

Это вряд ли, но...

Босс задавал вопросы о методике моей работы, высокой скорости обработки данных и возможности... внедрения этих способов массово. Спросил, есть ли вариант сократить половину отдела, не теряя при этом в показателях.

— Половину? Это же столько людей. Я не думаю, что...

— Каких там людей! — поморщился. — Карина, у меня пачка жалоб на тебя. — Ударил по небольшой стопке страниц ладонью. — Вернулась с обеда на семь минут позже... Ушла на пять минут раньше... — зачитывает. — Читать противно. Мелочные, озлобленные.

О нет.

— Не сожалейте о коллегах. Мы можем вдохнуть в отдел новую жизнь, увеличить прибыль. А там, глядишь, и зарплата подрастет, — подмигнул и расплылся в улыбке. — Из нас с тобой получится прекрасная команда. Ты и я. Что думаешь?

Я думала, что попала в западню. Ни на секунду не сомневалась, что показательная порка логистов на моем фоне была организована не просто так.

Он настроил людей против меня.

Они ответили негативом.

Теперь ход за мной.

— Если ты не станешь помогать, то мне придется применять санкции, как к остальным. А у тебя два опоздания, — проговорил он, заметив, что я сомневаюсь.

Это какая-то игра?

Вот только я не хотела в ней участвовать. Рост — это хорошо. Но как будто не та компания. Не тот начальник. Все не так. Я бы с радостью работала над улучшением, но не для того, чтобы вышвырнуть на улицу целую толпу ни в чем не повинных людей!

Мне стоит думать о себе и деньгах.

Марина весь день сидит на маркетплейсах, боже, при самом простом тесте она вылетит первой.

И, наверное, это правильно.

Но почему-то я ощущаю такой внутренний протест, что дышать тяжело.

Босс дал мне свой номер и сказал звонить, если что-то понадобится. И пригласил на деловой ужин в пятницу.

Головокружительный карьерный рост.

Хочется поплакать, но не получается. Я сжимаю руль и ерзаю в ледяном кресле.

Я пришла сюда за деньгами. Моей семье нужна помощь. Но я... мое нутро будто противится.

Наверное, дело в том, что пусть в науке я всегда понимала, что нищая, но никогда не ощущала столько неудовлетворения от своего труда.

Помню, как вернулась из кабинета босса, села за стол.

— Сильно досталось? — спросила Марина, и мне вдруг показалось, что в ее голосе мелькнуло сочувствие.

Поджала губы и кивнула.

— Это посвящение. Всех отчитывают в первый месяц, через три-четыре — втянешься и привыкнешь. Здесь ко всем относятся как к пустому месту.

Я делала вид, что все в порядке. Достала наушники, перелистнула страничку веселенького календаря — подарок Сони, чтобы отвлечься на шутку.

А там, внизу, сразу под датой, было написано черной ручкой:

«Дан». И номер телефона.

Сердце забилось так быстро, что с минуту я ощущала лишь, как горит лицо. Он что, вчера оставил мне послание? Тайную записочку.

Почему-то стало смешно. Я потерла надпись пальцем, и она не исчезла. Настырный.

Почерк у него довольно размашистый, в последний раз я видела написанные им цифры на доске пять лет назад. Лгу, еще в своей зачетке, но там всегда была лишь одна.

Не стал писать фамилию. Хитро.

Да, я почему-то сразу свела Дана и Данияра Аминова, просто потому что никаких других Данов не знаю. Может быть, конечно, это кто-то из коллег пошутил, но среди них тоже не припоминаю никого с похожим именем.

А еще именно так однажды назвала Аминова завкафедрой, правда, через миг поправи-лась.

Я оторвала страничку и спрятала в сумке.

Итак. Мне нужна поддержка, я не тяну эту ситуацию.

Поехать к маме? Качаю головой.

Позвонить Соне? Она в отпуске с парнем, будет нечестно с моей стороны ее отвлекать.

Достаю телефон, и с полминуты бездумно пялюсь на контакт Максима. Если я позвоню и скажу, что меня хотят повысить, но мне это неприятно, он поддержит? Или снова скажет, что я ненормальная?

Хочу увеличить его аватарку, но вместо этого проваливаюсь в сторис и застываю.

Нет, он там не с девушкой. С друзьями в баре, смотрят матч. Счастливый, веселый. Пре-красно выглядит. Рада за него.

Может, навестить папу?

Я откладываю мобильник, завожу движок, выжимаю газ. Еду в сумбуре собственных безумных мыслей. Если уволюсь сейчас, то вряд ли смогу оплатить следующий месяц аренды. Впереди длинные праздники, и вряд ли мне повезет с новым местом.

Придется согласиться.

Попробовать как-то наладить ситуацию. Господи, когда он расхваливал компанию, его слюна долетала до моего лица! Я быстро вытираю щеки от фантомных брызг.

Поворачиваю руль, чтобы вписаться в поворот. Ну и район... Дороги здесь никто не чистит, папа, конечно, сумел снять квартиру в самом страшном месте прекраснейшей столицы.

Кое-как забираюсь на колею, машина буксует, а потом раздается хлопок! Когда я прихожу в себя, понимаю, что случилось: пробил колесо.

Этого еще не хватало! Звоню папе, но тот не берет трубку. Работает, наверное.

Вытаскиваю красный треугольник, устанавливаю перед машиной. Там уже собирается затор, сигналят. Гуглю какую-нибудь службу, которая может помочь. Господи, как холодно.

Одна компания предупреждает об ожидании в два часа, другая — обещает приехать только к одиннадцати. Пробки. Много вызовов.

Начинаю себя накручивать, и мне уже кажется, что это начальник отдела лично пробил мне колесо, чтобы дать повод себе позвонить.

Копаясь в сумке в поисках влажных салфеток, достаю вырванную из календаря страницу. Звоню еще раз папе. А потом вдруг принимаю решение.

Оно такое неожиданное, что я даже не могу его как следует осмыслить.

Орел или решка.

Если Аминов ответит незамедлительно, значит, приму его безумное предложение. А если нет, то буду выкручиваться сама. Дождусь службу. Как-нибудь доработаю до весны, помогу маме, отложу на аренду, параллельно начну подыскивать новое место.

Похоже на план.

Отличный план. Он мне так нравится, что когда Аминов отвечает на втором гудке, я ощущаю что-то вроде разочарования.

И все то же волнение.

— Да?

Это его голос. Это тот самый Дан.

— Это... кхм, здравствуйте, это Данияр Аминов?

— Верно. Вы звоните на личный номер. Откуда он у вас?

— Вы... вы сами мне его написали на календаре. Прямоком под фразой «Накатила грусть — накати и ты».

— Карина, — обличительно.

— Да, красный свитер. Хе-хе. У меня тут проблема. Я пробила колесо и перегородила дорогу куче горожан, которые меня ненавидят и, кажется, хотят сжечь. Если вы мне поможете, я, возможно, соглашусь.

— Я же говорил, что это будет легко, — невозмутимо подчеркивает он. — Скиньте точку в навигаторе.

Закатываю глаза так, что немного больно.

— Хорошо.

Сбрасываю вызов, сжимаю телефон и рычу на черный экран от ярости. Легко?!

После чего скидываю точку. Посмотрим, на что способен мужчина, за которого я собираюсь замуж. В любом случае никогда не поздно продать душу и заняться увольнениями.

Глава 8

В машине Аминова тепло. Он заранее позаботился о том, чтобы включить обогрев сидений, за что ему огромное спасибо, вот только...

Эвакуатор медленно поднимает мой бедный «Солярис». Сам Аминов наблюдает за процессом на улице, а я грущу из-за того, что осталась без транспорта.

О быстрой починке не может быть и речи. И это проблема.

Еще одна проблема, при мысли о которой начинает тошнить.

Когда звонит отец, эвакуатор уже почти закончил работу, а с момента моего наезда на открытый люк прошло полтора часа.

— Привет, пап! Как дела?

Аминов подписывает бумагу, которую вручил ему водитель. Они о чем-то договариваются.

— Нормально, Кариш. Только увидел, что ты звонила, читал. Все в порядке?

— Я пробила колесо недалеко от твоего дома... Порвала покрышку, все довольно серьезно.

— Какая неприятность! Помощь нужна?

— Нет. Спасибо, папуль, я уже вызвала эвакуатор, машину забирают. Но и заскочить не получится, поздно, а мне завтра рано на работу.

— Жаль, что так вышло. — Он ругает дорожников и управляющую компанию. — Но ничего, если ты приедешь на днях, я как раз успею перечитать Куна, одолжу тебе. Обсудим. Ты тоже обязательно должна ее прочесть.

«Структура научных революций» Томаса Куна — папина новая Римская империя. Книга о том, что в науке не всегда побеждают правые. Скорее те, кто меняют правила игры. А вот и один из них.

Аминов открывает дверь, впуская холод. Усаживается за руль.

— Договорились. Хорошего тебе вечера, — спешу закончить разговор, потому что становится некомфортно.

— Целую, дочка. Впредь будь осторожнее. И... позвони маме, у нее есть скидка в шиномонтажке.

— Конечно, так и сделаю. Тоже тебя целую.

Сбрасываю вызов и поднимаю глаза. Получается медленно, и к тому времени, как наши с Аминовым взгляды встречаются, меня всю мутит от волнения. Или голода. Или от проблем. Или от его близости, что вероятнее.

— Папа звонил, беспокоится, — поясняю я. Быстро добавляю: — Спасибо.

Он кивает едва заметно, просто показывая, что услышал.

— Я надеюсь, «Солярис» не в кредите? — насмешка очевидна, но она не обидная, мне самой смешно.

Пожимаю плечами.

— Да ладно?

— Нет, конечно. Это старая машина мамы. У нее сейчас получше, поновее, а эту отдали мне, чтобы тренировалась. Ну, понимаете, чтобы не жалко. У меня два младших брата, у них пока нет прав, вот и гоняю. Потом настанет их очередь. Вашей машине, конечно, не пятнадцать лет, но вы так быстро приехали... Наверное, вам очень нужны те деньги.

Он снова кивает. Алчность — порок или форма выживания?

Есть ли разница между моим боссом и Данияром Аминовым, кроме масштаба ставок?

Я толком ничего не знаю о семье Данияра. Кто-то на факультете утверждал, что его родители богачи. Кто-то — что он круглый сирота, которого усыновили как Стива Джобса. Или же не усыновили. Сама я информацию не искала. Возможно, он тоже из простой семьи, знает, чего хочет, и готов идти по головам. Что плохого? Я ведь тоже ищу местечко потеплее.

Может, мы оба сыты по горло бедностью? Может, он вообще приезжий и пытается закрепиться? Это звучит правдоподобно: будь у него деньги, зачем бы ему понадобилась наука?

Для понимания: у нас крайне непростой факультет. Поступить трудно, учиться трудно, требования высоченные, а гарантий — никаких.

— Деньги всем нужны. Вас уволили? Я просто хочу понимать контекст.

Если бы. Тогда у меня не осталось бы выбора, и я не металась бы, как алгоритм без целевой функции.

Как и мой босс, Данияр хочет получить все. Но рискует намного больше. Возможно, этот фактор оказывается для меня решающим.

— Вообще-то меня собираются значительно повысить.

— Поздравляю, — в его голосе сквозит искреннее удивление, и я победоносно улыбаюсь.

— Спасибо. Не вышло отсидеться. Работа интересная, перспективы ошеломляющие. Но я подумала, вы предложите больше.

Он усмехается:

— Разумеется, я предложу больше. Давайте я вас довезу, по пути обсудим детали.

Детали. Так холодно. Равнодушно. Максим тоже не был большим романтиком, но я никогда не думала, что буду обсуждать свой брак в столь отстраненной манере. Тем более, первый.

Почему-то всегда казалось, что первый брак — это эмоциональный счастливый порыв. Раньше я была уверена, что выйду замуж один раз, как родители. Но жизнь показала, что нет ничего вечного. Поэтому я тоже подбираюсь и придаю тону деловые нотки:

— У меня есть несколько вопросов.

— Было бы подозрительно, если бы у вас их не было. Давайте.

— Почему я?

Далее следует пауза. Он бросает в меня быстрый колочий взгляд, и я начинаю тараторить:

— Да, вы пояснили ситуацию. Что-то про коллегу, которой сорок семь. Но все же. Вы вели лекции перед миллионом студентов, я уж точно не была лучшей, тогда почему выбор пал на меня?

— Вы переоцениваете процент женской аудитории на нашем факультете. Да в общем-то и мужской — откуда взяться миллиону?

— Допустим. Но все же...

— Вы татарка.

А.

Вот, значит, как.

Я захлопываю рот и несколько секунд просто смотрю в лобовое стекло.

За окном ночь. Огоньки дальних домов расплываются, и я быстро моргаю, чтобы придать им прежнюю форму.

Как просто, оказывается. И банально.

— Для вас это так важно?

— Для моей бабушки.

Колоссальное, обескураживающее, разрывающее душу разочарование.

Аминов так быстро примчался на выручку, что я подумала... нет, не то, что вы решили. Разумеется, у него нет ко мне чувств (кроме раздражения и, быть может, обиды из-за той лекции), но я вообразила, что вызываю в нем хотя бы чуточку, совсем немножко, самую каплю уважения.

Как унижительно.

Столько лет учиться и работать, чтобы в итоге оказаться удобной по происхождению.

— Какие еще требования у вашей бабушки? — спрашиваю, отдать мне должное, ровным, практически елевым голосом.

— У нее множество требований, но остальное она проверить никак не сможет, — отвечает туманно, и я предполагаю, что была права: он из какой-то деревни, где соблюдают традиции. «Сироту» — мы вычеркиваем. — Это было во-первых.

— Есть еще и во-вторых. Давайте, я готова.

Демонстративно громко выдыхаю. Он усмехается:

— Во-вторых, вы не идиотка. Ни один человек из моего окружения не поверил бы, что я способен жениться на дуре. Фиктивность брака была бы раскрыта, и штрафом я бы не отделался. Поэтому вы, Карина, для меня золотое комбо.

Вот к чему были вопросы про кредит на разваленный «Солярис».

— Вообще-то эту машину мы купили десять лет назад у таксиста, она настоящий боец.

— Не сомневаюсь. Давайте следующий вопрос.

— Тут мы уже закончили?

— Да.

— Что мне конкретно придется делать?

Я напрягаюсь так сильно, что виски гудят. Только бы не секс.

Очень бы не хотелось выходить из машины посреди проспекта.

— Всю бюрократию я беру на себя. Вы продолжите учиться, параллельно играя роль хорошей жены. Правдоподобно. Работать и жить будете у меня, чтобы минимизировать риски и слухи. И никому, Карина, ни единой душе нельзя говорить о нашем договоре. Проболтаться может кто угодно — лучший друг, мама, братья. Даже если они вас любят больше всего на свете. Они могут ошибиться, понимаете? Нам придется разыграть спектакль для всех. И эту тайну нужно будет сохранить навсегда. По крайней мере, пока я не умру, — добавляет с улыбкой. Жутенькой такой.

Начинаю понимать масштаб трагедии.

— Не хотелось бы сообщать о браке родителям, если это возможно.

— Не думаю, что получится сохранить в секрете.

— Логично. Вы же публичное лицо. Но мне же не обязательно таскаться с вами на интервью? Многие жены успешных мужчин находятся в тени.

— Не уверен, что получится вас скрывать.

— Моя мать будет в шоке.

— Что?

Он не расслышал, потому что я пробормотала едва слышно.

— Хорошо. Я подумаю, как лучше сделать. Я же не идиотка, в конце концов.

Боже. Боже мой, что я творю.

— Я предлагаю говорить, что мы свели друг друга с ума, поэтому брак был рискованным, но неизбежным, — будничным тоном, дающим понять, что свести его с ума невозможно в принципе. Нас обоих посадят. — Вы бы не стали жить с мужчиной до свадьбы.

— Вообще-то я жила.

Он бросает в меня злобный взгляд.

— Плохо.

— Ну знаете ли!..

— В смысле, для легенды плохо. Будем говорить, что это другое.

— Давайте говорить, что это вам бабушка не разрешает жить с женщиной до свадьбы, — улыбаюсь я ехидно.

— Давайте, — невозмутимо пожимает плечами. — Мне плевать, что говорить, лишь бы прокатило. И нам придется испытывать друг к другу влечение.

Вот оно. Сейчас он скажет про секс. С этого надо было начинать.

Сердце колотится в ушах, я ощущаю, как горит кожа и выключаю подогрев сиденья.

— Публично. Иначе нас быстро раскроют, — его тон все такой же спокойный, ровный.

— Но я вас не хочу.

— Давай уже перейдем на ты?

— Я тебя не хочу.

Он быстро облизывает губы, и я машинально задерживаю взгляд на его профиле: четкая линия подбородка, выраженные скулы, напряженная шея. В этом ракурсе он кажется собранным и опасно спокойным.

— Это понятно. Придется зажечь искру.

Длинные пальцы сжимают руль, и моя голова немного кружится. Когда мы с подругами обсуждали его сексуальность, я никогда не думала, что мне выпадет такой шанс. Наверное, дело в голоде, но меня начинает потряхивать.

— Данияр, может быть, мы с тобой друг друга не так поняли. Я меркантильная, ты угадал, но я рассчитывала, что наша сделка не будет включать в себя секс. Для меня это унижительно. Ты ведь ученый, я думала, ты понимаешь.

— Карина, — быстро произносит он. Даже быстрее, чем требуется, — я даю тебе слово, что не трону тебя и не обижу.

По коже прокатываются то тепло, то холод.

— Секс не входит в сделку, — добавляет он. Вдруг я не поняла выражение «не трону».

Вновь смотрю на лобовое и осознаю, что обсуждаю с Аминовым секс.

Не просто, например, спаривание лабораторных мышей, а человеческий секс.

Наш с ним.

— Ни в каких проявлениях, — уточняю на всякий случай. А то мало ли, формулировки, как известно, решают все.

То тепло, то холод. То холод, то тепло. Пялюсь на лобовое. Мне не шестнадцать, просто этот человек меня пугает! Я за шоколадку бронировала парту на его лекцию.

Да что же так трудно нарушать закон и быть меркантильной гадиной!

— Ни в каких вариациях и проявлениях. Но если между нами на публике не будет искрить, нас раскроют. Поэтому придется поработать над влечением. — После чего добавляет: — Извини.

Да, он прав. И я не идиотка. Поцелуи, прикосновения, взгляды... Это необходимо. Мы должны выглядеть так, чтобы все вокруг думало: да снимите уже номер! Но при этом не вульгарно, научный мир не допускает вульгарности.

Мы попытаемся обмануть систему. Стоять рядом как истуканы — будет недостаточно. Мне придется делать вид, что я его хочу.

У меня ничего не получится.

— Ты должна знать, как это происходит. Ты же была в отношениях, — последнюю фразу он бросает будто с негодованием.

Мои брови взлетают.

— Ты что, ревнуешь?

— Ну я же жених, — совершенно бесцветно, с легкой чернотой от иронии, и мне становится смешно. — Мне положено.

А может быть, и смогу.

И все же.

Вновь кохусь на профиль. Рядом с ним я по-прежнему ощущаю себя как на той ужасной лекции — полной сожалений и намерений провалиться сквозь землю.

— Там сумма приличная?

— Да. Тебе понравится.

От напряжения меня вот-вот разорвет на кучу маленьких Карин.

— Мне понравится или я буду в восторге?

Глава 9

Я прихожу в полный восторг от квартиры Данияра!

Никаких коридорных компромиссов. Кухня, столовая и гостиная существуют как единое целое. Высокие потолки, большие окна, за которыми уже сгущаются сумерки.

Прямо посередине кухни островок: массивный, каменный, со встроенной плитой и барными стульями вокруг. Я такое только в кино видела. Еще бросается в глаза большой, почти лабораторный холодильник. Ни одного магнитика на поверхности.

— А можно мне ее после развода? — брякаю с восхищением.

Аминов прочищает горло, я быстро оборачиваюсь и успеваю заметить промелькнувшую в карих глазах смесь легкого шока и возмущения. В следующее мгновение Данияр берет себя в руки, лицо становится, как обычно, нейтрально-терпеливым. Кивает:

— Хорошо.

И эта почти рабская покорность почему-то мгновенно отрезвляет. И еще трогает до глубины души.

Я ведь не ожидала, что он согласится. Ждала в ответ насмешку, например: «Ну да, непременно». Я бы тогда театрально вздохнула, смахнула несуществующую слезу и покорилась судьбе.

Его реакция ясно дала понять: квартира ему безразлична. Хотя, возможно, дело в деньгах — она дорогая, пусть и не идет ни в какое сравнение с суммой, которую он собирается с моей помощью заполучить.

И тем не менее вышло некрасиво.

— Я пошутила. Здесь здорово, — поправляюсь, присмирив. — Хотела таким образом сделать комплимент.

— Спасибо, я могу на это пойти. До прихода моих друзей остается час, давай я тебе все покажу, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что ты здесь впервые.

— Хорошая идея.

И он начинает рассказывать.

Сегодня Данияр одет как обычно дорого, но просто: графитовая футболка, синие джинсы, так одеваются люди, планирующие провести вечер в кругу близких. Он не похож на преподавателя, и все же я не могу расслабиться. Все следующие полчаса тону в ошеломитель-

ной неловкости, чувствуя, как сердце громко отбивает каждую секунду. Данияр же старается держать лицо, хотя совершенно ясно: эта экскурсия — не то, как он предпочел бы провести вечер.

— Вот здесь гостевая спальня... тут санузел... В гостиной, кстати, есть выход на балкон, с которого открывается неплохой вид. Создается иллюзия большого пространства. Это на случай, если станет душно, хотя там сейчас дубак.

В самую последнюю очередь мы заходим в спальню, оформленную в темных тонах. Большая кровать, тумбочки, напротив — проектор. У стены слева беспорядок — прямо на полу свалены кучи книг, папок, какие-то схемы. На подоконнике заряжается ноутбук, еще один стоит на тумбочке у кровати.

— За этой дверью гардеробная и еще одна ванная. Прошу прощения за свалку, я редко здесь бываю, только если ночую в городе, чего стараюсь избегать. У той стены планируются полки для книг и стол. Хочу совместить спальню с кабинетом.

Я заглядываю в ванную, гардеробную, стараюсь обнаружить детали, которые могли бы пригодиться. Но ничего личного не нахожу. Ни фотографий, ни дорогих сердцу сувениров, женских щипцов для волос или просто волос... Все довольно стерильно.

— У тебя же есть гостевая, может быть, перенести кабинет туда?

— Как только ты съедешь, так и сделаю.

Я поднимаю глаза, и он поясняет:

— Секс не входит в сделку. Мы не будем спать вместе здесь.

Точно!

— Об этом я и не подумала.

— Я так и понял. — И завершает со вздохом: — Пока все. Не стесняйся, Карина. Будь как дома.

Вяло размышляю о том, что искры между нами «так и летят».

Вчера мы обсудили детали и решили, что проведем небольшую репетицию с друзьями Аминова у него дома. Если выйдет совсем ерунда, не стоит и продолжать. Время, к сожалению, поджигает, осталась неделя до окончания сроков подачи заявки.

Мы отвратительно плохо знаем друг друга, но его напряжение ощущается мною физически. Прошлым вечером я немного почитала о той программе, но мне стоит узнать о ней больше. И о нем самом.

— Вопросы? — спрашивает, словно только что закончил очередную лекцию.

— Пока все понятно.

— Дан. Мои друзья называют меня Даном.

Язык еле поворачивается. Я даже потею, пока произношу следующую фразу:

— Хорошо, Дан. Меня называют Каришей. Иногда Карри, как острый соус.

— Хорошо. Карина, у нас осталось немного времени. Я к тебе прикоснусь?

Слегка отшатываюсь, он же выглядит еще более напряженным, чем минуту назад. Мое дыхание становится глубже, и мне за это стыдно. Мы по-прежнему находимся в его спальне.

— Давай я не буду каждый раз извиняться, но ты будешь представлять, что я делаю это в такие моменты. По умолчанию.

Киваю.

— Может быть, присядешь?

— Да, еще одна хорошая идея.

Хорошей эта идея кажется ровно до того момента, пока я не осознаю, что я присела на его постель.

Мы расстались поздним вечером — допоздна обсуждали детали в кофейне. Домой я его не пригласила, побоялась. Мы были бы наедине, и... В общем, представьте только, как странно

бы смотрелся мой рассказ полицейским: «...а потом он пообещал деньги за то, что я выйду за него замуж, и в тот же вечер я притащила его домой на ночь глядя!».

Значит, он ночевал в городе.

И, скорее всего, спал именно здесь.

Данияр... Дан присаживается рядом, и я думаю о том, какой он крупный мужчина.

Значительно выше меня, шире в плечах. Поверьте, одно дело, когда смотришь на него издали — с парты в аудитории. Или, например, в шумной кофейне, где мы сидим напротив друг друга в темном углу и плетем опасные интриги.

Но сейчас. На его постели. Рядом. Мне становится ужасно не по себе!

— Мы можем уйти из спальни, — произносит он, словно прочитав мысли. Не нежно. Не ласково. Но терпеливо, без явного раздражения, и в его исполнении кажется, что низкий голос звучит почти мягко.

— Все в порядке, — храбрюсь. — Помнишь, вчера я говорила, что не верю тебе? Мне кажется, ты просто издеваешься для какой-то непонятной цели. И меня до сих пор не оставляет это чувство.

— «Биомед-2030» существует.

— Знаю. Просто это странно.

— Я понимаю. Думай о деньгах и науке. — Он протягивает ладонь.

Она у него тоже крупная. Длинные пальцы я уже отмечала, аккуратные ногти. Синие венки проступают на запястье, где кожа светлее всего. Сильные предплечья густо покрыты темными волосками.

— Звучит довольно пошло.

— Как и практически все в этой жизни. — Проходит еще пара секунд. — Я так ужасен? — он слегка улыбается.

Ваш... твой предмет был самым сложным в моей жизни. Перед каждым экзаменом я была на грани нервного срыва.

Я вкладываю руку в его ладонь. Она теплая. Данияр тут же, словно опасаясь, что я убегу, слегка сжимает мои пальцы.

— У тебя вспотели ладони. Волнуешься?

— Не принимай на свой счет. Мне просто некомфортно.

Он снова сжимает мою ладонь и, когда я, чуть привыкнув, сжимаю в ответ, слегка кивает.

Бедные мы бедные.

Одной рукой Дан продолжает перебирать мои пальцы, а другой касается моего плеча. Ведет вверх до бретели платья. Проводит по шее. Это не больно, но все же я ощущаю холодок и напрягаюсь изо всех сил.

— Терпимо?

— Вполне.

— Ты не отшатываешься.

— Ты тоже не морщишься.

— С чего бы мне морщиться?

Сердце сжимается так сильно, что я ощущаю болезненный укол. И следом много-много тепла. Забираю руку, понимая, что ладони вспотели еще сильнее.

Я не представляю, как расскажу об этом Соне — каждый его экзамен заканчивался моей истерикой на ее плече и ее криками, что Аминов последний мудака. Ей он ставил четверки с минусом.

— Продолжаем, Карина?

Он специально произносит мое имя полностью? Наверное, у него язык оторвется, скажи он «Кариш».

— Эта квартира тебе очень дорога? — слегка улыбаюсь.

— Я готов с ней расстаться, я же сказал. — И добавляет деловито: — Мебель тоже оставлю.

Я прыскаю:

— Думала, это само собой.

Он тоже усмехается:

— Как с тобой сложно.

Надо было раньше думать, когда мучил меня в магистратуре.

Ну ладно. Кончиками пальцев я касаюсь его груди. Ощупываю плечо.

— М-м-м, крепкое.

— Спасибо.

— Почти как у моего бывшего. Он спортсмен. Не подумай, что я сравниваю тебя со спортсменом, просто констатирую факт. У него имеются даже кубики на прессе.

— Такие или больше? — он задирает футболку.

Мгновенно отворачиваюсь и закрываю лицо руками! Сама напросилась, сама виновата. Так тебе и надо.

— Какая быстрая месть. Бывших не вспоминаем, урок усвоен.

Он молчит. И мне приходится открыть глаза, чтобы понять, что происходит. Данияр откинулся на руку, смотрит на меня, лицо невозмутимо, но по глазам видно, что забавляется.

— У тебя еще болит? — спрашивает, отдать должное, серьезно.

— Немного. Прости. Прошел всего месяц, я больше не буду так делать. А у тебя? Есть кто-то? Настоящий. Или был?

— Это не имеет значения.

Он снова садится ровнее. Ведет по моему плечу, убирает волосы за ухо. Банальный жест, согласна, но при этом интимный. Чужой мужчина не имеет права так сделать.

Я бы не позволила.

Сжимаю зубы.

— Неплохо? — спрашивает он.

Облизываю губы и быстро киваю, давая зеленый свет. Незаметно вытираю ладони о платье. Терпеть не могу черный цвет, но сегодня он меня спасает.

— Порепетируем поцелуй?

— Нам придется сегодня?..

— Я не знаю.

— Ладно. Ради науки.

Он тянется к моему лицу, и я использую всю свою выдержку, чтобы не дернуться.

Сначала меня окутывает его запах. Терпкая, довольно навязчивая туалетная вода. Я закрываю глаза и ощущаю дыхание на коже.

На следующем вдохе его губы прижимаются к моей щеке.

Я вздрагиваю.

И в дверь звонят.

Глава 10

Я встречаю курьера такой широкой улыбкой, что бедняга теряется.

— Мы скоро поженимся, представляете! — восклицаю с вполне искренней радостью, ведь именно он спас меня от репетиции поцелуев. Лицо горит, тревожный узел в животе тянет, вибрирует.

От избытка ужаса я делаю единственное, что приходит в голову: тянусь к подошедшему Аминову и обхватываю его за шею. Тот каменеет, я сама каменею! В ушах бахает. Я думаю о том, что еще немного, и мы провалимся.

К счастью, в следующую секунду Данияр берет себя в руки, приобнимает меня за талию и тоже улыбается. И это... вау.

Вот что нужно было репетировать: его улыбку.

Я задерживаю дыхание. Будь мы в другой ситуации, я бы залюбовалась тем, как смягчаются черты его лица, но сейчас ощущаю лишь волны смущения.

Его рука теплая, и если не думать о том, чья именно эта рука, то перетерпеть ее на себе — вполне сносно.

— Как же замечательно, поздравляю от всей души! — восклицает курьер и протягивает коробки с едой.

Ну вот, теперь мы все трое улыбаемся. Словно позируем в рекламе майонеза. Это не так сложно. Данияр отмирает первым — принимает коробки и несет в кухню, я закрываю дверь и следую по пятам.

Больше мы не улыбаемся. Я разминаю скулы, он хмыкает и хмурится.

— Поможешь разложить по тарелкам?

— Разумеется.

— Тарелки вон там.

Начинаю хлопать дверками шкафов и на автомате принимаюсь сервировать стол.

Он заказал много еды. Намного больше, чем следовало на шестерых, и я прихожу к выводу, что подобные посиделки для него редкость, и это хорошо. Мы можем многое свалить на неловкость и новизну происходящего.

— Я делаю на свой вкус? — мечусь между высоким и широким бокалами для шампанского. — Фужер или креманка?

— Без разницы. Кстати, чуть не забыл.

Он подходит к островку, где я уже развела бурную деятельность, и кладет бархатистую коробочку между контейнером с мясными тарталетками и сырной нарезкой.

Мои руки, стягивающие пищевую пленку с салатницы, замирают.

Было бы правильнее выбрать кольцо вместе, но сегодня я весь день занималась увольнением из «КвантКабель» (я все еще на испытательном сроке, поэтому отработки от меня никто, к счастью, не потребовал, хотя босс и расстроился) и восстановлением в аспирантуре.

Размер своего пальца я не знала, поэтому прошлым вечером вынесла Данияру кольцо, которое дарил мне Максим в начале отношений. Он был ревнив, и ему было спокойнее от мысли, что я всюду ношу помолвочное кольцо. Оказывается, носить его не означает собираться замуж. Хотя казалось бы.

Рядом с коробочкой Данияр кладет прозрачный пакет с кольцом Макса. Его тоже упаковали.

В домофон звонят.

— Начинается. Боже. Начинается! — восклицаю я, отмерев. — Они пришли вовремя. Что у тебя за друзья, которые приходят минуту в минуту? Такие люди вообще существуют?

— Карина, — окликает он строго.

Сейчас вручит маркер и заставит решить задачу.

Вместо этого Данияр смотрит в глаза, мы находимся близко, и его зрачки расширены.

— Ты не обязана им нравиться. Будет даже лучше, если ты никому не понравишься, тогда никто не будет стремиться к общению с тобой.

— И когда мы разведемся, все выдохнут с облегчением.

— Ага. Соберись. Ты прекрасно выглядишь, и твой наивный восторг от моей кухни — подарок судьбы. Он вполне тянет на влюбленность.

Закатываю глаза. Хватаю коробочку, открываю. Поспешно разрываю нитку с биркой, напяливаю кольцо. К счастью, оно подходит идеально. Данияр идет открывать, а я хаотично мечусь по квартире — куда бы спрятать упаковку?

Чуть позже до меня дойдет, что коробочку можно было оставить на видном месте, она красива, фирма известна, и это было бы правдоподобно. Но нервный срыв наступал на пятки, и я влетела в спальню Дана. Огляделась. Выдвинула ящик тумбочки у кровати, а там — упаковки презервативов. Одна из которых — вскрыта.

Замираю.

Ну да, разумеется. Какой он молодец, что пользуется барьерным методом. Большой плюс ему.

Но как же не хотелось знать, какими презервативами пользуется мой бывший преподаватель! Лишняя. Лишняя.

Лишняя информация!

Теперь я буду об этом размышлять.

Сколько же измен меня ждет? Кстати, чем не повод для развода?

Нет времени.

Бросаю коробочку и кольцо Максима в ящик и спешу в прихожую. Успеваю приобнять жениха за талию за секунду до того, как дверь открывается. Его рука тоже возвращается на прежнее место. Мы снова готовы рекламировать майонез к вашему новогоднему оливье.

Сердце колотится где-то в горле.

Наверное, будь у меня выбор, я бы предпочла еще месяц потренировать на курьерах.

— Добрый вечер!

— Добрый вечер, вы вовремя, — произносит Данияр уверенно и почти расслабленно. Как гостеприимный хозяин. — Знакомьтесь, это та Карина, о которой я рассказывал.

— Здравствуйте. Приятно познакомиться.

Широко улыбаюсь и протягиваю руку мужчине, который стоит ближе. Он оценивает меня недобрый взглядом и слегка прищуривается, на рукопожатие отвечает с заминкой.

— Взаимно, Карина. Я Ваня. Кстати, красивое кольцо. Дан — респект.

Я опускаю глаза и смотрю на сверкающий камень. В спешке даже и не взглянула, а оно... и правда прекрасно.

Ваню Жукова я знаю заочно как Ивана Сергеевича Жукова, директора направления витаминов «Биотек». А еще он лучший друг Данияра. Ему около тридцати, он невысокого роста, примерно как я, и хорош собой, несмотря на темные круги под глазами, вызванные чем-то вроде чудовищного недосыпа, обезвоживания или вредных привычек. У Жукова темные волосы, тонкая светлая кожа, а также идеальная белоснежная улыбка. Вот только живет она на лице как будто отдельно от глаз, которые так и остаются неприятно сосредоточенными, даже когда их обладатель старается быть вежливым.

Эмилия — руководитель одной из лабораторий в «Биотеке», это та самая девушка, которая была бы сейчас на моем месте, будь ей меньше тридцати пяти. Она много смеется и не сводит с меня глаз.

Игорь — биоинженер, чуть старше Данияра, они вместе учились.

Загадочная Анита не пришла.

Никто из гостей не в курсе фиктивности отношений. Данияр сказал, что они, дословная цитата: «не идиоты, чтобы не догадываться», — при этом нам необходимо переубедить их в первую очередь.

Будут верить его друзья, поверят и враги.

Ему тоже непросто. И я искренне стараюсь не накосячить.

Эмилия помогает накрывать на стол, пока мужчины занимаются напитками. Она буквально осыпает вопросами: где познакомились, как он сделал предложение, понимаю ли я, что многие могут засомневаться в наших отношениях из-за «Биомеда»?

— Мы-то знаем, что Данияр, безусловно, готов пойти на многое ради проекта, но женитьба — была бы слишком, — говорит она заговорщически. Черт, они совсем его не знают. — Но люди бывают жестоки.

— Я не понимаю, разве меня можно не понять? — пожимаю плечами. — Это же Дан Аминов! Кто бы отказал ему?

Мы обмениваемся с Данияром взглядами. Я неосмотрительно думаю о том, что презервативы в его тумбочке той марки, которая подбирается по ширине. Я знаю, потому что у меня два брата, и они обожают обсуждать такие вещи в моем присутствии. При этом угадайте, кто из нас троих теоретик, а кто практик?

В общем, нужно померить обхват эрегированного пениса в самом широком месте и разделить на два. Именно это число и будет на упаковке. Когда буду забирать кольцо Макса, обращу внимание. Жена ведь должна знать такие вещи?

Вы закатываете глаза? Я всего лишь серьезно отношусь к делу!

В глазах Дана не отражается ничего вульгарного. Он благодарит меня за помощь в сервировке, и мы, наконец, рассаживаемся.

— Итак, версию Данияра мы слышали. Карина, теперь расскажи, как было на самом деле, — добродушно подкалывает Игорь, и все смеются. — Как ты свела с ума нашего Дана?

— Дело в том, что Дан приглашал меня на свидание, как только я сдала ему последний экзамен, — лгу без зазрения совести. Они все вроде бы неплохие люди, и лгать им — неприятно. — Но я была в отношениях, о чем ему и сообщила. Когда мы с моим бывшим расстались, я была раздавлена. Убивала вечера за тем, что... ну, вы понимаете, бездумно листала ленту новостей, — эта часть правдива, и дается легче. — Мне совершенно случайно попался шортс, где Дан рассказывает ведущему подкаста о жизненном пути вирусов. Я лайкнула. Посмотрела весь подкаст, а потом написала комплимент ему в личку. — Это правда, такой подкаст есть, и я его действительно смотрела на скорости икс два, правда не лайкала и уж точно никогда не осмелилась бы написать что-то в ЛС. Пульс частит, и я опускаю глаза. — Он ответил. Это было удивительно, я полагала, он забыл обо мне. Мы сходили выпить кофе, разговорились. Я понимала, что не имею права использовать его, но он был как будто не против.

В этот момент я бы предпочла захлебнуться шампанским, нежели взглянуть ему в глаза.

— Он надежный, и я очень быстро влюбилась в его глаза и улыбку. А еще Данияр сделал то, на что не хватило духу у моего бывшего — предложил мне руку и сердце. Он невероятный человек. Потрясающий мужчина. Извините. Это было слишком лично. Это все игристое, обычно я мало пью.

Машинально тереблю кольцо на пальце, очерчиваю пальцем камень, ясно осознавая, что только что действительно рассказала про Максима.

О нет.

Нет. Нет. Нет!

Я дома у Данияра рассказываю его друзьям о своем бывшем. Холод окутывает тело.

Наверное, его друзья просто в бешенстве. Мне надо было больше репетировать.

Мне следовало притвориться глухонемой.

Рука Данияра ложится на спинку моего стула. Он обнимает меня, притягивая к себе, целует в лоб. Чмокает в нос. Теперь кожа пылает, будто меня обмакнули в масло и зажарили во фритюре вместе вон с теми креветками. Я собираю волю в кулак, чтобы не оттолкнуть его, не отстраниться, не сбежать. Вдыхаю запах его туалетной воды и кожи. Так много его запаха — чужого, мужского, навязчивого. Едва не срываюсь на дрожь из-за напряжения, из-за столь близкого контакта. Острые эмоции на кусочки рвут душу, словно бумажную салфетку.

— Все в порядке, — говорит он после короткой паузы. — Я часто думал о тебе эти годы и был не против получить шанс.

Мне никогда не говорили ничего прекраснее.

— Это так мило, — улыбается Эмилия. — Данияр у нас сложный, крайне закрытый человек. И мы так рады, что он наконец-то встретил ту самую.

Боже, как стыдно!

— Я буду стараться быть для него той самой, — улыбаюсь с привкусом горечи. — Он мне очень нужен.

Язык немеет, я делаю глоток, и становится хуже.

— Вы замечательно смотрите вместе, — хвалит Игорь.

— Кстати, я так и думала, что женится он в итоге на ком-то с нашего факультета. Иначе вынести его работу невыносимо! Далекие от науки люди просто возненавидели бы его.

Мысли уносятся в сторону родителей, и я хочу поспорить, но тут Данияр поднимает бокал:

— Карина меня понимает, — произносит он. — За Карину!

— За вас обоих!

Мы чокаемся, и когда мне кажется, что ситуация выправляется, когда я думаю, что справляюсь и смелею... Наши с Ваней глаза встречаются, следом он смотрит на кольцо.

Я нервно улыбаюсь, протянув бокал в его сторону. Он отвечает почти голливудской улыбкой. Мы чокаемся, и я уверена на сто процентов, что он не поверил ни единому моему слову.

Может ли нас сдать лучший друг Данияра?

Глава 11

Уставшие и измотанные импровизацией (актеры вообще-то для подобного учатся годами), мы провожаем гостей в одиннадцать. Едва за ними закрывается дверь, я опускаюсь на корточки и тру лоб. Данияр же произносит:

— Гостевая спальня твоя.

Его слова, уверенный тон... все вместе словно гром среди ясного неба.

Эм. Что?

— Спасибо, но я вызову такси.

— Я настаиваю. Уже поздно, в гостевой ванной найдется все необходимое. По крайней мере... — его заминка заставляет меня ухмыльнуться, — я так думаю.

— По крайней мере, никто не жаловался, — заканчиваю предложение как, на мой взгляд, было задумано. И поднимаюсь. — Все в порядке, нам в любом случае нужно как-то утрясти вопрос... хм... потенциальных измен.

Я отдаю себе отчет, что сейчас не время. И что прихожая слишком тесная для этого разговора. Следует вернуться в гостиную, а еще лучше — покинуть эту квартиру как можно скорее. Сложный вечер. Я устала улыбаться, устала его трогать и терпеть прикосновения. Да и просто устала.

— Измены усложнят и без того беспросветную ситуацию, — произносит он спокойно.

Беспросветную.

— А как же секс?

— Год — это не так много.

— Год — это до фига. Нет! Даже не начинай! — восклицаю я, закрываясь ладонями. — То, что мелькнуло в твоих глазах, это ведь не предложение? Мы договорились, кажется. Данияр, мы договорились, и ты мне пообещал.

Вновь я обжигаюсь пониманием, что собираюсь замуж за незнакомца, собираюсь жить с ним рядом, спать в соседней комнате. И что мне делать, если он передумает? Что мне делать,

если он выпьет слишком много или просто психанет? Что будет, если через три-шесть месяцев нахождения рядом с ним станет невыносимо? Я не получу ничего. Он мне отомстит?

Откуда во мне столько смелости? Какого черта я успела утром уволиться?

Понятия не имею, что именно отражается на моем лице, но Аминов медленно выдыхает.

— Это было не предложение, Карина. — Складывает руки на груди, облокачивается на стену. На мгновение прикрывает глаза, словно ограждаясь от моего присутствия и вообще от всего происходящего.

Его слова звучат отстраненно, неприятно холодно. Тот самый тон, каким он говорит со студентами. Если бы мы не сидели рядом, не касались друг друга плечами на протяжении трех часов, я бы решила, что кровь в его жилах холодная, как у змеи зимой. Он продолжает:

— Мы с тобой, моя дорогая, не Зельда и Скотт Фицджеральд, хотя, отдать должное, во взаимности их чувств никто не сомневался. Если я начну творить феерию на публичных мероприятиях, а ты топиться в фонтанах из-за вспышек ревности — нашему делу это успеха не принесет. Как и любые трагедии, драма или экшн. Каждый раз, испытывая сильное влечение к кому-то, кроме меня, — он распахивает глаза, и становится сильно не по себе, — думай о деньгах. И пусть они остудят твой пыл.

Отдать мне должное, мой голос звучит почти так же ровно:

— Пусть они тогда остужают и твой пыл тоже. И у меня есть гордость.

— Из-за чего вы расстались с бывшим?

— Это не твое дело, — обрываю, не успев перестроиться. Он мастак менять тему.

— Если бы... — тянет Данияр, поднимая глаза к потолку, словно прося у неба, то есть потолка, поддержки.

— Даже если бы мы встречались на самом деле, я была бы не обязана тебе рассказывать. Он продолжает ждать ответ.

— Ты на меня давишь, хотя сам о себе не рассказываешь вообще ничего.

— Я все время думаю о деньгах.

— Не поверишь, но... не сомневаюсь в этом. — Натягиваю куртку, обуваюсь. — И никто не сомневается. Может, именно поэтому у нас и будут проблемы? А сейчас мне пора.

— Хорошо, но я тебя отвезу.

— Не стоит. Я большая девочка и умею вызывать такси.

— Никто не отрицает твоей самостоятельности, и все же, — он тоже достает из шкафа куртку.

— Уже поздно. И тыпил шампанское, — я обута и одета.

— Один бокал два часа назад. Не страшно.

— Данияр, я хочу поехать одна.

— Можешь сесть на заднее сиденье и делать вид, что это такси.

— Ты на меня снова давишь. И это неприемлемо!

Он застывает с курткой в руках, поворачивается. Я ожидаю увидеть раздражение, гнев, готовлюсь ссориться и сразу плакать. Все эти эмоции копятяся, как снежный ком, их все сильнее сдерживать.

Но вместо этого на его лице отражается растерянность. Или что-то похожее на растерянность. Ее версия от Данияра Аминова, напоминающая нечто среднее между «взбеситься» и «задуматься».

Мы пялимся друг на друга пару секунд. Мое сердце частит, лицо пылает. Его плечи расслабляются, и он ими пожимает:

— Я не могу отпустить девушку одну в ночь. Это для меня неприемлемо. Тем более свою будущую жену.

Он смотрит на меня так внимательно, что я физически не могу выдержать этот взгляд и перевожу глаза на зеркало. Какие красные щеки, здесь жарко. Душно. Сердце колотится быстрее.

— Даже если мы ссоримся?

— Тем более, если бы мы поссорились. Но мы не ссоримся, мы обсуждаем детали сделки. И я не понимаю, почему ты разозлилась: ты планируешь с кем-то секс в ближайшее время?

Не я. Вероятно, ты. Но он прав, совершенно неясно, что на меня нашло. Трудный вечер. Непростой месяц. Опустошающий год, хорошо, что он скоро закончится.

И тем не менее недоумение Дана остужает пыл.

Ловлю себя на том, что кручу кольцо на пальце. Я часто так делала, привычка, камень Данияра больше, и руки сами тянутся.

— Нет, дело в другом. После разрыва я вообще не хочу смотреть в сторону мужчин... А сейчас я всего лишь не хочу напрягать тебя, — говорю, присмирив. — Тебе крюк делать. Везти меня. Потом — обратно. Бессмысленно. Я бы добралась на такси. Могу скинуть номер водителя, если ты... переживаешь. Хотя это глупо, я не маленькая.

Эти слова даются с трудом, и я ужасно собой горжусь, что получается их произнести без лишних эмоций. Максим всегда заводился в ответ, и я паниковала.

— Я послушаю музыку, мне несложно. — Он накидывает куртку на плечи. Эмоциональный ком внутри теплеет и растворяется. — Заодно обсудим ужин. Как тебе мои друзья? Ты плохо старалась им не понравиться.

Усмехаюсь и качаю головой. Куксуюсь для вида, но послушно выхожу из квартиры. Смотрю на его плечи и думаю о деньгах. Красивых оранжевых бумажках, которые вскоре... изменят мою жизнь. Всего лишь год.

Это ведь мало. Или все же... до фига?

Глава 12

Семья — это мой оплот, главная защита и опора в жизни, а дом — самое уютное место на планете.

Что бы со мной ни происходило, какой бы камень ни лежал на душе, все, что мне всегда было нужно — это вернуться домой. Я люблю своих родителей и братьев больше всего на свете. Даже в минуты ссор, когда внутри протест и хочется ломать стены вокруг, это сильнейшее чувство нежности и теплоты бьет ключом (пусть иногда и довольно робким).

Сейчас... меня едва ли не физически ломает из-за ощущения потери. Неистово ругаю себя — все живы и здоровы, перестань это чувствовать!

Мы всегда украшали дом десятого декабря, и с этой даты начинали происходить настоящие чудеса. Например, каждый день под елочкой обнаруживался какой-то подарок или презент. Даже когда мне исполнилось двадцать, а потом и двадцать пять лет. Я приезжала в гости, делала вид, что взрослая, а сама косилась под тяжелые колючие пластиковые ветви. И знаете, находила — то набор резинок для волос, то шоколадку или чупа-чупс. Что-то всегда находила.

Что ж. Мне двадцать шесть, и я вполне могу воссоздать сказочную атмосферу сама, поэтому покупаю в магазине конфеты, торт, пару пицц для парней и еловые ветки.

Сегодня непростой день. Мне придется рассказать о грядущем замужестве.

Но как же не хватает Сони! Мы дружим со школы, и так вышло, что знаем друг о дружке все на свете. Соня на полном серьезе собиралась отменить свой отпуск, чтобы не оставлять меня после разрыва с Максом. Сумасшедшая, не так ли? Конечно, ничего подобного я не могла допустить.

Она все еще в отпуске, мы как обычно много переписываемся. Обсуждаем погоду во Вьетнаме, цены на фрукты (сказочные). Я сетую на гнетущую черную зависть к ее насыщен-

ному витаминами рациону и уклончиво намекаю, что есть новости. И что она будет в шоке, когда я все расскажу.

Но не по телефону.

Разве такие вещи рассказывают в голосовых сообщениях?

Безостановочно кручу кольцо на пальце. Когда Соня вернется и я сообщу ей о браке с Аминовым, станет легче. Наверное. Надеюсь. Я смогу делиться сомнениями, не упоминая фиктивность. Многие страхи были бы адекватны и в нормальных отношениях.

Одно я знаю точно: ни я, ни Дан не скажем друзьям правду, потому что втягивать близких в противозаконные аферы — бесчестно и несправедливо. Я это делаю ради денег, и мне нести ответственность — целиком и полностью. За каждое слово, серую мораль и гибкую совесть.

Я пишу маме, что хочу поговорить, когда сажусь в автобус. Дан еще вчера, пока вез домой, предложил составить компанию, что выглядело с его стороны мужественно и даже смело, но я посчитала, что будет лучше сначала подготовить почву.

— Пицца еще горячая!.. — восклицаю, едва зайдя в квартиру.

Лицевые мышцы онемели с мороза, я плохо чувствую нос и пальцы на ногах, но и сердце практически не болит. Так, слегка поднывает. Входная дверь не украшена, елка не наряжена. Еще пока шла к подъезду, отметила, что на шторах не развешаны гирлянды. Я знала, что не развешаны, мама месяц назад поставила перед фактом, что в этот раз обойдемся без украшений. Но почему-то как будто... ждала?

Хочу добавить еще что-нибудь, но обрываю саму себя, потому что в квартире... эм, папа?

Впиваюсь взглядом в его ботинки, еще не верю до конца, но уже слышу родной хрипловатый голос.

То, что двадцать пять лет подряд казалось нормой, мгновенно выбивает из колеи. Он выходит из родительской спальни в куртке, видимо показывая, что ненадолго приехал. В руках держит пакет с чем-то тяжелым.

— Забирай все! — кричит мама. — Все свои бестолковые книжонки! Иначе я сегодня же повыкидываю их из своего дома!

— А вот и зря! — оборачивается он резко. Жесты нервные, лицо покраснелось. — Почитала бы, может, какие-то очевидные грамотным людям вещи стали бы понятнее! — Тут он замечает меня и улыбается: — О, Кариш, привет конфетка. Я привез тебе Куна.

— Куна? Этот Кун заплатит нам за свет, воду? — накидывает мама. — Оплатит детям репетиторов?

— Нет, не оплатит! — рявкает отец. Кажется, у него вот-вот начнется истерика. — Но даст намного больше! Жаль, что для тебя эта часть мира так и осталась непостижимой!

— Больше? Кредит за машину погасит, что ли? — Мама появляется в дверях и упирает руки в бока.

Я как дура стою с этой пиццей. С тортом и душистыми ветками. Словно с насмешкой.

— Мама, ты перегибаешь, — Марат высовывается из своей комнаты то ли на крики, то ли на запах пиццы. — И ты не права. — И приветственно, хоть и довольно сухо, кивает в мою сторону: — Карри. И пицца.

Дверь Марка тут же открывается.

— Я не права?! — взрывается мама. — Это я-то не права? В свою комнату! Немедленно!

— Да с удовольствием! — закатывает глаза брат и захлопывает дверь.

Отец протягивает мне томик Куна, мама сверлит глазами.

— У меня руки заняты. Марк... ну кто-нибудь, помогите!

Мелкий, хромая, подходит, выхватывает у меня коробки и неспешно тащит в кухню.

— М-м-м, систер, ты притащила пепперони. Остренького нам как раз и не хватало.

Его тон царапает. Он бодрится, конечно, но тоже ранен. Мой маленький Марк.

— Карина больше не интересуется этой заумной философской ерундой, — фыркает мама. — У нее новая работа, новая жизнь, подальше от вашей полоумной братии.

— Карина талантлива, а ты заставила ее закопать свое призвание! То, чего у тебя никогда не было.

— Папа, пожалуйста! — молю я.

— Я не прав?

— Еще как не прав! — кричит мама. — Только ты этого никогда не поймешь. Потому что ты даже не знаешь, что твоя дочь рассталась с парнем. И по какой причине. Ты понятия не имеешь, каково ей пришлось эти недели! Сидишь в своем собственном мирке высоких материй. Тебе нет дела ни до кого, кроме себя любимого.

— А тебе, что ли, есть? — кричит из комнаты Марат, и мама ударяет рукой по двери.

— Какой дурдом! Я покидаю это место немедленно! — восклицает отец.

— Конечно, какие могли быть сомнения!

Папа вручает мне книгу и поспешно выходит на лестничную площадку. Не успевает еще захлопнуть дверь, как мама вырывает у меня бедного «Куна», несется в кухню. Крышка мусорного ведра с глухим стуком захлопывается — я знаю этот звук и сомнений о судьбе папиной книги не испытываю.

— Карина, не вздумай становиться таким же безумным, парящим в облаках, никчемным человеком, как твой отец! — выпаливает мама.

Мы с Марком переглядываемся. Он уже достал кусок пиццы и мрачно жует. Я сжимаю ладонь в кармане, металл кольца нагрелся, стал будто частью тела.

— Это не талант! Это беда!

Марк громко хмыкает, берет коробку и хромает в свою комнату. Мама провожает его растерянным взглядом, плюхается за стол и начинает плакать, а я... чувствую такую боль, будто половину моих внутренних взбили блендером.

— Они меня ненавидят, — шепчет она сдавленно. — Я посвятила им жизнь. Молодость. Свое тело. Они все трое меня ненавидят. Денег нужно все больше, и я не знаю, где их брать, я так стараюсь, но ничего не получается! Не повторяй моих ошибок, детка. Умоляю, найди себе земного мужчину. Я так несчастна. Жить не хочется.

— Мамочка...

Я снимаю кольцо и только после этого тянусь с объятиями и утешениями. Как горько. Что же так горько.

Когда мама идет умыться, я быстро достаю телефон и пишу:

«Не сегодня»

Дан: «Уверена? Мы расписываемся завтра, я уже купил цветы».

Честно пытаюсь представить Дана в этой квартире. Стараюсь вообразить, как рассказываю об охватившей меня безудержной страсти своему рассыпающемуся на глазах оплоту.

Что бы мы ни сказали сейчас, это не принесет радости. А еще я не хочу, чтобы Данияр становился частью этой сцены.

Будь у меня выбор, я бы пожелала, чтобы мне снова было десять и счастливый папа вручил мне сверток, в который был бы закутан крошечный мальчик с покрытыми темным пушком щеками. «Еще один брат?» — завопила бы я, и все бы засмеялись.

Я пишу: «100 %».

Дан: «Завтра все в силе?».

Завтра регистрация.

Каждый раз, когда мне кажется, что все получится — что-то происходит. Но мне нужны эти деньги. Моей маме они нужны. Братьям, отцу. Они смогут принести долгожданный мир в наш дом, мама вновь захочет нарядить елочку, братья выйдут из своих комнат, а отец... Может,

если всем станет легче, отец тоже вернется? И тогда я... наконец, перестану испытывать эту перманентную боль. Даже если они все меня возненавидят за этот брак.

Для этого мне придется научиться испытывать к Данияру влечение. И пробудить влечение в нем. Ненадолго. Но чтобы все вокруг поверили.

Я пишу: «Разумеется. Жду не дожусь».

Дан: «Сам подгоняю время».

Прижимаю ладонь ко рту. Если убрать контекст, выходит, что самые приятные слова в этом месяце мне говорит препод вирусологии.

Что в своей жизни я сделала не так? Как такое вообще произошло? Я ведь даже никогда не любила его предметы.

Глава 13

Пять лет назад я впервые встречала Новый год вне дома.

Мы с друзьями собрались большой шумной компанией в убитой однушке тогдашнего парня Сони. За день до этого мои фотографии полайкал Максим, я была преисполнена волнением и, шутки ради, прямо на обоях красным маркером вывела формулу Влечения.

С претензией на псевдонаучную строгость...

...И с полным отсутствием уважения к ремонту тридцатилетней давности:

$$A = k_1P + k_2S - k_3Awk + X,$$

где:

A — attraction, собственно, Влечение.

P — physical presence или частота встреч. Чем чаще видишь объект, тем сильнее к нему тянет. Максима я встречала трижды в неделю, он только-только устроился помощником тренера моего самого младшего братишки.

S — similarity, наши с объектом общие интересы. Брат был мне максимально интересен, и таким остается по сей день. А значит, и его гребаный футбол, о котором я теперь знаю все.

Awk — awkwardness, раздражающие черты. Они, кстати, прямо пропорциональны неловкости, которую испытываешь в Его присутствии.

k_1 , k_2 , k_3 — коэффициенты, которые я написала для солидности.

И, наконец, X — непредсказуемый компонент, «X-фактор». То, что может изменить все.

Это случилось быстро и легко, буквально на одном дыхании. Я строчила маркером по стене, словно кто-то шептал мне ее на ухо.

Во мне было три бокала шампанского! Что ровно на три больше, чем в любой другой день обычно, и подействовали они убойно.

Когда эта формула меня прославит, я придумаю оригинальную легенду, наподобие яблока, падающего на голову, или неожиданного сна. Ведь никто не будет восхищаться идеей, пришедшей на кураже от доступного студентам Дербентского.

И тем не менее, в тот вечер мои друзья пришли в восторг, особенно Соня. С тех пор мы с подружкой часто возвращаемся к расчетам, подбираем коэффициенты, прогнозируем рост Влечения или его падение. И кстати, неплохо преуспеваем в этой области.

Например, мы выяснили, что степень Влечения не зависит от взаимности. Нас может адски тянуть к неправильным, плохим, даже несвободным парням! (Где справедливость?) При этом мы с объектом можем жить вместе и мечтать об одном и том же, но если он постоянно повторяет, что ты неудачница, влечение неминуемо падает.

Ничего не попишешь.

Если кому-то кажется, что это бред и чувства невозможно описать цифрами — уверяю, однажды я ее доработаю, запатентую и стану миллионершей!

Правда, в эту минуту я думаю о своем шуточном открытии с ужасом.

Потому что Данияр проходит в кухню нашей с Соней квартиры и останавливается прямо перед доской, на которой мы рисуем кроликов, солнышки, цветочки, пишем друг другу мотивационные записки. И ведем тайные расчеты.

Доска разделена на пять столбцов, каждый из которых подписан мужским именем. Данияр моментально впивается глазами в свое, и я хватаю губку.

— Это так, шутка. — Загораживаю собой изображение. — Пыталась прикинуть, как повисить шансы нашей авантюры.

Он быстро и неожиданно плавно отнимает у меня губку, очерчивает своими пугающе пронизательными глазами доску, и я быстро добавляю:

— Кстати, не все эти мужики мои. Хе-хе. Вообще-то обычно мы с Соней не приглашаем в гости посторонних. Или делаем так, — достаю из ящика плед и собираюсь его накинуть сверху.

— Вы вывели формулу Влечения? — читает он заголовок. Присаживается за стол, закидывает ногу на ногу, и я думаю о том, что если прямо сейчас его сфотографирую и выложу в сеть, мне никто не поверит. При всем этом мы расписываемся через два часа. — Расскажи.

Размеры нашей с Соней кухни таковы, что если сидящий за столом Данияр вытянет руку — коснется меня, стоящую у противоположной стены.

— Уверен? — скептически прищуриваюсь.

Сегодня утром, когда я открыла глаза, сразу подумала, что еще есть время отказаться. Спустя час, когда Аминов появился на пороге, я лишь укрепилась в этом понимании. Мы посмотрели друг на друга.

Никакой искры не проскочило.

Ни намек.

Ни даже банального статического электричества.

А вот неловкость была фонтаном, словно кто-то сорвал кран с раскаленной батареи. Он попытался клюнуть меня в пылающую от жары щеку, я сделала то же самое, и мы тут же друг от друга отстранились. При этом мой пульс взвился до неба.

Я смутилась.

Аминов по-прежнему был закрытой книгой, упакованной, правда, в идеально сидящий костюм, как в подарочную обертку. По крайней мере, когда я выложу с ним фотки, все умрут от зависти.

Он произнес:

— Цветочные по пути оказались закрыты. А вчерашние букеты не подошли бы.

Манжеты его рубашки были застегнуты на запонки. Мои волосы все еще оставались накрученными на бигуди.

— Ясно. Заходи.

Накидываю пледом все остальные столбцы, оставляя лишь тот, что с заголовком «Данияр А».

— Это пока не конечный вариант, я в процессе. Но общая формула выглядит так.

Указываю на доску подвернувшейся под руку кухонной лопаткой и объясняю:

— Чем чаще мы с тобой будем видеться и чем меньше раздражать друг друга — тем выше Влечение. Ну, знаешь, эти бабочки в животе.

Он прикусывает нижнюю губу.

— Что за компонент Икс?

— В этом-то и загвоздка. Если бы я нашла компонент Икс, нам бы не пришлось заниматься всем этим, — указываю на коэффициенты. — Ходить на свидания, искать общие инте-

ресы, привыкать... Мы бы с тобой им воспользовались, и ни у кого не осталось бы сомнений. Кофе будешь?

— Нет, спасибо. Собирайся, Карина, времени мало. А я пока подумаю, — он поднимается и подходит к доске. Скрещивает на груди руки.

Этого еще не хватало, но время действительно поджимает, и я послушно плетусь в свою комнату. Распускаю волосы, наношу привычный макияж. Он неплох, но как будто недостаточно яркий. Скептически рассматриваю свое отражение и усиливаю стрелки.

Как жаль, что нет Сони. Она умеет накрасить меня так, что сияю. Знает какой-то секрет. Пусть эта свадьба — фарс, но мне бы хотелось, чтобы подруга была рядом.

С платьем тоже не все гладко.

Вчера, сразу после визита к маме, я заехала в свадебный салон, адрес которого мне скинул Данияр. Можете представить, в каком я была состоянии. Несмотря на то, что персонал уже ждал меня и был невероятно приветлив, я выбрала первое попавшееся. Едва в зеркало взглянула.

Оплатил эти кружева Дан, и я успокаиваю себя тем, что грант даст ему намного, намного...

НАМНОГО больше денег, и все расходы окупятся.

Никак не могу застегнуть молнию. И так пытаюсь, и эдак...

— Карин, время, — слышу строгий голос лектора, нервничаю, и... как-то случайно отрываю язычок бегунка.

О нет!

В отчаянии плюхаюсь на постель, сжимаю бусинку, которой он, собственно, и был.

— Карина?

И через минуту снова:

— Карина, ты сбежала через окно?

Сдуваю прядь с лица. Беру себя в руки и выхожу в коридор.

— Кажется, я сломала платье. Прости, пожалуйста.

Он смотрит на меня лишь мгновение, а напряжение уже взрывается бомбой. Делает воздух густым, насыщенным.

Дальше выходит двигаться плавно, словно мы плаваем в полупрозрачном желе.

Данияр поднимается на ноги. Подходит ближе. Мои плечи и ключицы оголены, вырез не пошлый, но при этом платье так сильно облегает мою грудь, что я ощущаю себя в нижнем белье. И... в уязвимой позиции.

Какой же он высокий.

Господи.

Большой. Нет, огромный! В этом пиджаке еще.

— Где именно?

Он рассматривает меня медленно и пристально, чтобы (как я сразу догадалась) определить, где именно платье сломано.

Резко поворачиваюсь спиной. «Желе» превращает каждый вдох в усилие.

Надо было выбрать что-то скромное и закрытое. Белый мешок с тремя прорезями.

— Кажется, я сорвала язычок. И сломала ноготь.

Кстати. Это правда, я быстро подношу палец ко рту и обгрызаю острый уголок.

— Какая гадость — грызть ногти, — произносит Дан. Высоко сажу, далеко гляжу, ага.

Закатываю глаза.

Он достает запонку, я снова отворачиваюсь, и он подцепляет бегунок. Расстегивает молнию, и прохладный воздух касается спины.

— Ты меня любишь как раз за все мои несовершенства, дорогой, — комично бормочу я.

При слове «дорогой» он цокает языком, и мне становится смешно. Но недолго, потому что Дан продолжает тянуть бегунок вниз. Еще немного, и он убедится, что я предпочитаю телесное белье.

— Эй. Надо надеть платье, а не снять, — хриплю я.

— Погоди ты, женщина. У тебя здесь все сбилось.

— Ну, извините. В салоне меня одевали три человека.

— Надо было купить платье проще.

Его пальцы — теплые, но все же прикосновения заставляют кожу покрыться пупырышками.

— В следующий раз будешь сам выбирать.

— Не нервничай, все под контролем.

Наконец, Данияр плавно застегивает платье, и когда отходит на шаг, я могу снова дышать.

Теперь оно сидит как надо и практически не давит.

— Это слишком шикарно для договорного брака?

— Слишком для... — он вдруг хмыкает. — Ты прекрасно выглядишь, Карина. Никто не будет сомневаться, почему я выбрал тебя.

Опускаю глаза.

— Спасибо за комплимент.

— Ты собрала сумки?

— Почти полностью. Предлагаю после регистрации заехать сюда, я дособеру остальное, и тогда уже поедem. Ну к тебе. За город, где ты живешь.

— Договорились.

Когда мы садимся в машину, он произносит:

— Мои родители не смогли приехать на регистрацию, с моей стороны будут только Ваня и Анита.

— Я поняла. Моя семья не знает, что мы женимся сегодня. Поэтому, если можно, я не буду пока выкладывать фотографии. И ты меня не отмечай в соцсетях.

— Я не веду соцсети, но скажу менеджеру.

— Спасибо.

Машина трогается. По пути мы делаем остановку, и Данияр покупает бесстыже красивый букет.

У ЗАГСа нас уже поджидают. Ваня улыбается одним ртом, как и в вечер знакомства, его глаза, обрисованные синеватыми кругами, остаются болезненно недовольными. Жмет Данияру руку.

Анита или попросту Аня Морозова, как она сама представилась, — голубоглазая блондинка невысокого роста и с милейшим личиком. Она доброжелательно, но довольно бегло обнимает меня, а потом долго и крепко-крепко — Дана. Он в ответ чуть отрывает ее от земли и чмокает в лоб.

Они вряд ли родственники, и... нет уверенности, что просто друзья.

Что ж. Нужно не забывать о своей роли в этом спектакле, и этот щелчок по носу — как раз кстати.

Я мысленно отношу друзей Дана к коэффициентам, способным в нужный момент изменить знак всей формулы.

Нас приглашают на регистрацию. Пора.

Данияр берет меня за руку, фиксирует для верности, и произносит:

— Все будет хорошо.

— Да.

— Когда я тебя буду целовать, не грохнись на пол.

— Смотри, чтобы Анита не грохнулась.

— Что? — он слегка прищуривается в мою сторону.
Работник ЗАГСа нам улыбается и начинает говорить.
Мое сердце колотится в горле.
Ваня делает фотографию на телефон.
А я... думаю о родителях. И, как просил без пяти минут муж, о деньгах.

Глава 14

До меня доносится протяжный вздох человека, старающегося из последних сил сохранить самообладание. И я понятия не имею, чей это — мой или Дана.

Кто знает?

С согласиями мы справились. Кольцами обменялись.

Когда же настает время поцелуя, выходит заминка. Мучительно долгую секунду мы смотрим друг на друга. Мучительно долгую секунду он ко мне тянется (Дан такой высокий, что причина задержки вполне может быть и в этом).

Я прикрываю глаза и улыбаюсь от страха. Его дыхание касается моих губ, каждой клеткой я ощущаю тепло его кожи.

Брак моих родителей распался из-за того, что папа был ученым.

Сердце бахает.

Мои отношения с Максимом развалились, потому что человеком науки была я.

Оно болит.

Есть ли хоть один шанс у пары, если оба партнера увлечены наукой?

Ответ напрашивается сам собой, к счастью, у нас все понарошку.

Данияр застывает в миллиметре от моих губ и с ненастоящей нежностью убирает прядь моих волос за ухо. Мои руки также по всем правилам жанра обвивают его шею и стискивают, может, чуть крепче, чем было необходимо, но я в этом деле новичок. Не будьте жестоки.

Его губы впиваются в мои в чувственном фиктивном поцелуе.

Мои поджилки фиктивно трясутся.

Воздух на мгновение пропадает.

Где-то в груди вспыхивает короткая, нелепая вина перед Максимом — и тут же гаснет.

После чего нас окружают незаслуженные аплодисменты и поздравления, Данияр подхватывает меня на руки и фиктивно крутит! А я смеюсь и кричу, впрочем, от вполне настоящего страха! Хоть что-то сегодня настоящее, хоть и бессмысленное — Дан возвращает меня на ноги в целостности и сохранности.

А когда мы выходим на улицу, уже одетые под завязку, его лицо вновь серьезнеет. Аминов произносит довольно сухо:

— Дстойно.

— Теперь дело за тобой, — отвечаю я. Нужно успеть подать заявку до конца недели, иначе все было зря.

Из его рта вырывается раскатистый, саркастичный смешок — один из тех, за которые так много коллег его на дух не переносят. Я поднимаю глаза, и Данияр сообщает:

— Ну разумеется.

Просится добавить: дурочка.

При этом черты его лица как будто заостряются, и я догадываюсь, что мысленно он прямо сейчас подает эту гребаную заявку. Все важное для него уже произошло — подпись поставлена, пункт выполнен. И единственное, что его останавливает от немедленной поездки за документами — здравый смысл.

Сразу после фотосессии мы прощаемся с друзьями Дана и отправляемся за моими сумками.

Не разговариваем. Данияр, очевидно, витает в собственных мыслях и в этом плане напоминает мне папу.

«Игорь. Игорь. И-и-иго-орь!» — в голове звучит голос мамы, которая могла двадцать раз к нему обратиться, и все без толку.

«Папа опять не с нами, — смеялась она, в шутку крутя у лба пальцем. — Пусть “полеет”, может, что интересное отыщет в уголках своего чудного мозга».

Братишки, наверное, и не в курсе, что когда-то давно она им восхищалась. А я, родившаяся в этой семье на десять лет раньше, помню. Я смотрела на него с таким же восхищением.

Чуть позже я поняла, что это за состояние: полное погружение в себя, размытая реальность. Это сложно объяснить нормальному человеку — как и внезапные инсайты, которые обрушиваются без предупреждения. Когда идешь по улице, например, со своим парнем, болтаешь о вкусе мороженого, а потом вдруг понимаешь, как решить мучившую тебя неделями задачу.

Решение всплывает перед глазами, и мороженое перестает иметь вкус и запах. Весь мир перестает быть интересным. Иногда я просыпалась среди ночи от идеи, которую было необходимо записать. Тихонечко, чтобы не разбудить Максима, пробиралась в кухню и садилась работать.

Иногда он так и находил меня, заснувшую за столом. В последние месяцы его это страшно бесило.

Я поглядываю на Дана и думаю о том, что ему в его мыслях намного интереснее, чем беседовать со мной.

— Как у тебя дела с кандидатской? — спрашивает он, когда я делаю музыку громче.

Мы едем по трассе за город. На мне зеленый спортивный костюм, зимние кроссовки и пуховая куртка. Он все также в костюме с запонками.

— Я к ней вернусь.

— Не слышу восторга. Почему?

— Его и нет, но я продолжу ее писать, потому что умею держать слово, не парясь.

— Тебе не нравится твоя тема? «Методы вычислительного анализа и интерпретации биомедицинских данных для оптимизации доклинических исследований», если я не ошибаюсь.

— Мне очень нравится моя тема, — раздражаюсь я. — Я могу анализировать фармакокинетику, токсичность, ошибки протоколов... Просто... на первом курсе я жила эйфорией. Строила теории, планы. На втором — ощутила что-то вроде... не знаю, провала ожиданий?

— Это достаточно частое явление.

— Но у тебя-то его, спорю, не было.

— Разумеется, нет. Потому что я, в отличие от большинства, знаю, зачем занимаюсь наукой.

Закатываю глаза — да-да, конечно. Натура я романтичная, и все его фиктивные обнимашки хоть и против здравого смысла, но восприняла на свой счет.

— Точно: передо мной же самый лучший ученый страны и мира.

А также сноб, считающий всех вокруг тупее себя.

— Ты мне льстишь. По крайней мере, пока что.

Пока что. Вы тоже это слышали?

— Претендуешь на Нобелевку? — усмехаюсь.

— Нобелевка ничего для меня не значит, мне плевать, — говорит он равнодушно, чуть ли не зевая, и у меня едва ли пар не идет из ушей.

Резко поворачиваюсь к окну. Мы уже покинули город и едем по снежной трассе. Чистейшая белизна, укутавшая ели, яростно слепит, но, конечно, не так сильно, как неотразимость моего мужа.

— Вопросов больше не имею, — бормочу я.

Глава 15

— Ты читала мои статьи?

Частично.

— В основном рекламные брошюры твоих витаминов. — Держи шпильку. — Что? Они во всех аптеках на первой линии.

— Надо будет прочесть.

— А ты мои?

— Конечно.

Я вновь поворачиваюсь. В смысле «конечно»?

— Все, что ли?

— Ага, — невозмутимо. — И согласен далеко не со всеми твоими выводами. Если хочешь, я выделю время и дам рецензии. Февральская статья была особенно ужасна.

— Особенно ужасна? — повторяю кисло.

— Данные скучные, — продолжает он спокойно. — Новизна высосана из пальца. Достаточно пустое обслуживание чужой плохо сформулированной гипотезы. Я был разочарован.

Мое лицо пылает так, что на щеках можно оmlет пожарить.

Самое отвратительное, что он прав. На меня страшно давил научрук: «Нужна статья, срочно-обморочно-вчера! Карина, спасай!» И Карина спасала. Пришлось писать, опираясь на старье, потому что в действительно крутые проекты меня не брали, а время поджимало.

Последние полгода я жила с навязчивым ощущением, что мой ум используется не там, где нужно. Отмахивалась от него, словно от комара, стараясь уgomонить эго. Как будто все мои усилия были для галочки. И никому не приносили пользы.

— Мне жаль, что я вас разочаровала, — случайно возвращаюсь на вы.

Этот его высокомерный голос.

Уничтожающий взгляд.

Экзамены, которые ненавидела больше всего на свете. Как я могла волноваться час назад, пока он расстегивал мое платье?..

И самое обидное — ничего не сделаешь. Он звезда, и у него есть власть.

— Ничего страшного. Всегда можно заняться хорошей наукой.

— Клепать распиаренные витамины, — в половине случаев бесполезные, — под твоим руководством — это же великая цель, — язвлю я.

Понятия не имею, осознает ли он иронию, но обиженным не выглядит.

— Рад помочь.

Машина летит по трассе, увозя меня все дальше от дома. Я киплю от негодования. Данияр витает в собственных облаках, которые, очевидно, выше тех, что над головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.